

КОНН
ИГГУЛЬДЕН

ВОСХИТИТЕЛЬНО-
УВЛЕКАТЕЛЬНЫЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ
РОМАНЫ.
BOOKLIST

КРОВЬ
БОГОВ

Конн Иггульден

Кровь богов

Серия «The Big Book. Исторический роман»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69215395
Кровь богов: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2023
ISBN 978-5-389-23482-6*

Аннотация

Гай Юлий Цезарь убит. Рим охвачен скорбью. Убийцы, нарекшие себя Освободителями Рима, амнистированы, но не спокойны за свою судьбу – слишком громко отозвалось свершенное ими. Сенат на их стороне, однако не все готовы предать память великого героя Рима. Многолетний соратник Цезаря, возвысившийся под его покровительством Марк Антоний, и приемный сын Цезаря Гай Октавиан заключили союз и не остановятся ни перед чем – предателей должно постигнуть возмездие. В особенности Марка Брута – друга детства, сподвижника и организатора вероломного заговора против Божественного Юлия...

Прошли годы, и все эти события, описанные в романе Конна Иггульдена «Кровь богов», стали давней историей. Рассказ Иггульдена «Фиговое дерево» посвящен последним дням правления приемного сына Цезаря – Октавиана, которому

суждено было, под именем Цезаря Августа, похоронить Республику и первому принять титул императора Рима.

Содержание

Кровь богов	6
Пролог	7
Часть первая	22
Глава 1	22
Глава 2	38
Глава 3	54
Глава 4	73
Глава 5	95
Глава 6	116
Глава 7	139
Конец ознакомительного фрагмента.	151

Конн Иггульден

Кровь богов

Conn Iggulden

THE BLOOD OF GODS

Copyright © 2013 by Conn Iggulden

FIG TREE

Copyright © 2014 by Conn Iggulden

© В. А. Вебер, перевод, 2014

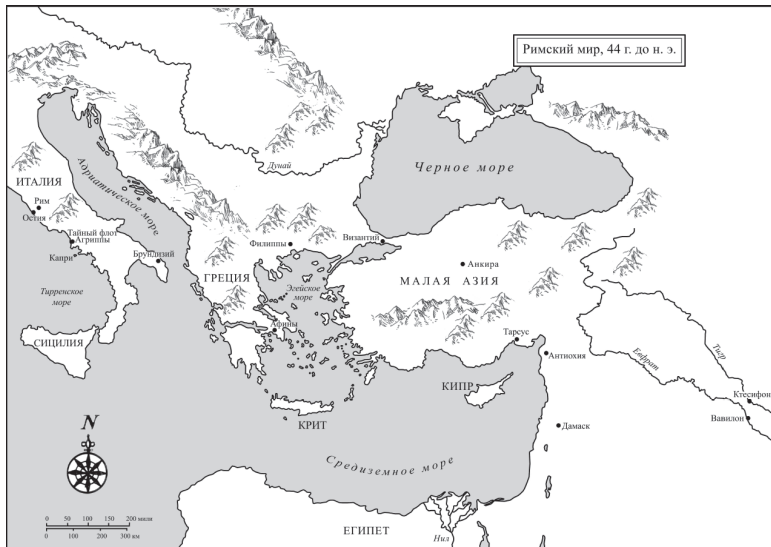
© С. Н. Самуйлов, перевод, 2023

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

Кровь богов (роман)

Посвящается Джорджу Романису

Перевод В. Вебера

Пролог

Не всех запятнала кровь. Его недвижимое тело лежало на холодном мраморе, по его гладкой поверхности со скамей стекали красные капли. Уходя, каждый оглянулся хотя бы раз, не в силах поверить, что тирану уже не подняться. Цезарь боролся, но они взяли и числом, и решимостью.

Они не видели его лица. В последние мгновения жизни правитель Рима покрыл голову краем тоги, когда они схватили его и начали наносить раны, окрасившие белизну одежд кровавыми пятнами. Когда он покачнулся и упал на бок, кишки его опорожнились. Теперь по театру расползалась вонь. Поверженный ими, он лишился всякого достоинства.

В убийстве участвовали больше двадцати человек, некоторые до сих пор тяжело дышали. Вдвое больше людей замерло вокруг: эти не обнажили кинжала, просто наблюдали, не пошевелив и пальцем, чтобы спасти Цезаря. Убийцы же до сих пор были ошеломлены свершенным насилием, ощущая на своей коже еще теплую кровь. Многие из них служили в армии. Многие и прежде видели смерть, но в чужих странах и экзотических городах. Не в Риме, не здесь.

Марк Брут прикоснулся лезвием к обеим ладоням, оставив красные следы. Децим Юний¹ увидел, как он это сделал,

¹ *Децим Юний* – речь о Дециме Юнии Бруте Альбине. Автор сознательно укорачивает имя, чтобы избежать путаницы.

и, немного помедлив, с выражением благоговейного трепета на лице тоже окрасил свои ладони свежей кровью. С тем же благоговением остальные последовали их примеру. Брут уверил их, что они не должны испытывать чувства вины. Он сказал им, что они спасли народ от тирана. Вслед за ним они направились к широкой полосе яркого света, вливающегося с улицы.

Марк Брут глубоко вдохнул, подойдя к солнечному лучу, и помедлил на пороге, впитывая в себя тепло. Только он в этот день оделся как солдат: доспехи, гладий у бедра... Хотя возраст Брута приближался к шестидесяти годам, его голые загорелые ноги оставались сильными и, как прежде, крепко стояли на земле. Глаза его блестели от слез, и он чувствовал, будто годы ушли, отпечаток предательства стерт с него, как стерты и боевые шрамы с его кожи, и теперь он вновь молод.

Он слышал, как мужчины в тогах собираются за его спиной. Подошел старый Гай Кассий Лонгин и легонько коснулся его плеча, чтобы успокоить или поддержать. Марк Брут не обернулся. Он смотрел на солнце.

– Теперь мы можем чтить его, – проговорил он, обращаясь более к самому себе. – Теперь мы можем заваливать память о нем почестями до тех пор, пока они не раздавят ее.

Кассий услышал слова Брута, вздохнул, и от этого вздоха его сообщника покорило.

– Сенат ждет новостей, друг мой, – пробормотал Гай Кассий. – Давай оставим старый мир позади, на этом месте.

Брут посмотрел на него, и худощавый сенатор чуть ли не отпрянул от увиденного в его глазах. Мгновение затянулось, а за их спинами не раздавалось ни звука. Несмотря на то что все эти люди только что совершили убийство, каждый из них лишь теперь ощутил страх перед городом, в котором они находились. Их увлек общий порыв, как порыв ветра увлекает листья, сорванные с ветвей, – они просто пошли за более сильными. Теперь реальность вернулась, и сквозь пляшущие на свету золотые пылинки проступил Рим. Брут вышел на освещенную яркими лучами солнца улицу, и все остальные двинулись следом.

На каждом свободном пяточке тысячи ремесленников и крестьян предлагали свой товар: они даже заняли половину мощенной камнем дороги. Волна тишины покатилась от театра Помпея, исчезая позади сенаторов, но сопутствуя им и тогда, когда они повернули к Форуму. Лоточники, слуги и римские граждане замирали при виде нескольких десятков человек в белых тогах, следовавших за мужчиной в доспехах, правая рука которого то и дело тянулась к рукояти меча.

Рим и раньше видел процессии, тысячи процессий, но на лицах тех, кто поднимался сейчас на Капитолийский холм, не было радости. Шепотом и толчками в бок зеваки указывали на красные полосы на их руках, на все еще алые брызги крови на их тогах. Люди в страхе качали головой и пятились, словно эта процессия таила в себе опасность или болезнь.

Марк Брут поднимался по склону, шагая на восток. Его

охватило странное предвкушение: впервые он что-то испытывал после того, как вонзил железо в грудь своего лучшего друга и ощутил дрожь, свидетельствующую о том, что острие пронзило сердце. Ему не терпелось увидеть Форум и здание сената – каменный центр огромной республики. Ему пришлось собрать волю в кулак, чтобы не ускорить шага, – размеренность придавала идущим больше достоинства и одновременно служила им защитой. Они не убегали от того, что свершили. Они могли остаться в живых, лишь не выказывая ни вины, ни страха. Он собирался взойти на Форум освободителем.

На вершине Капитолийского холма Брут застыл как вкопанный. Он видел перед собой открытое пространство Форума, окруженное храмами. Здание сената сверкало безупречной белизной, а стражники у дверей с такого расстояния казались крошечными фигурками. Солнце палило нещадно, и Марк Брут чувствовал, как под богато украшенным панцирем по телу течет пот. Сенаторы за его спиной медленно поднимались на холм, не понимая, почему он остановился. Процессия раздалась в стороны, но это утро словно лишило их власти, и ни один из них, включая Кассия и Светония, не решался двинуться дальше, опережая своего предводителя.

– Мы – Освободители! – внезапно воскликнул Брут. – Многие здесь поприветствуют наше деяние. И еще сотни облегченно выдохнут, узнав, что тиран мертв и Рим спасен. Сенат проголосует за амнистию, и все закончится. Решение об

этом принято. А пока держитесь с достоинством, помните о чести. В том, что мы сделали, нет ничего постыдного.

Люди вокруг него начали расправлять плечи, многие поднимали окровавленные ладони, прежде сжатые в кулаки и спрятанные в складках тоги.

Брут вновь посмотрел на Кассия, и на этот раз его взгляд смягчился.

– Я сыграл свою роль, сенатор. Остальное должен сделать ты. Веди с собой маленьких людей и шагай с достоинством, иначе за нами начнется охота.

Гай Кассий кивнул и сухо улыбнулся:

– Голоса у меня есть, генерал. Все обговорено. Мы войдем свободно и выйдем с почестями.

Брут всмотрелся в сенатора, от которого зависело их будущее. Сухощавый и крепкий, Кассий ни в чем и никогда не давал слабину.

– Тогда веди нас, сенатор. Я пойду следом.

Кассий сжал губы, словно заподозрив угрозу, но вскинул голову и большими шагами направился к сердцу Рима.

* * *

Подходя к зданию сената, Марк Брут и Гай Кассий видели, что высокие бронзовые ворота распахнуты. Они слышали громкие голоса, гул жаркого спора. Чей-то голос перекрыл остальные. Шум сменился тишиной.

По телу Брута пробежала дрожь, когда его нога коснулась первой ступеньки. До полудня оставалось несколько часов – несколько часов, которым предстояло стать одними из самых важных в его жизни. Кровь Цезаря краснела на их руках. Неверное слово, торопливое движение, и вышло бы иначе: их кровь пролилась бы еще до заката. Он вновь взглянул на Кассия. Уверенность сенатора ободряла его. Тот, казалось, не сомневался ни в чем. К этому дню он шел долгим и трудным путем.

Два легионера вытянулись в струнку, когда Брут и Кассий поднимались по ступеням. Но солдаты не знали, что им делать, и застыли в нерешительности, когда сенатор поднял обгавленную руку, чтобы они увидели кровь, прежде чем он укажет на своего спутника.

– Генерал Брут – мой гость. – Произнося эти слова, пожилой сенатор уже думал о том, что ждет их за порогом.

– Он должен оставить гладий здесь, – ответил солдат.

Марк Брут взглянул на него так, что страж потянулся к рукояти собственного меча, но тут Кассий рассмеялся:

– Отдай его, Брут. Не серди человека.

Хмурясь, его друг отцепил ножны, вместо того чтобы обнажать меч и пугать солдата. Он отдал оружие и последовал за Кассием, внезапно разозлившись, хотя и не мог точно сказать, в чем причина этой злости. Юлия Цезаря никогда не останавливали у этой двери. А теперь, именно в момент триумфа, ему указали его место. В стенах сената Брут был все-

го лишь одним из офицеров Рима, пожилым человеком без гражданского статуса. Что ж, это предстояло исправить. Теперь, когда Цезарь мертв, появилась возможность исправить все, что пошло не так в его жизни.

Больше четырехсот человек собрались в это утро в сенате, и их тела так нагрели воздух, что внутри, несмотря на распахнутые двери, было заметно теплее, чем снаружи. Долгие годы простояв рядом с Юлием, Брут знал большинство из них, но одно новое лицо привлекло его внимание. Бибул. Много лет назад этот человек служил вместе с Цезарем консулом, но что-то произошло между ними, и Бибул больше никогда не появлялся в сенате. Его внезапное возвращение красноречиво говорило о смене власти... и о том, насколько многие уже были осведомлены. Брут видел, что за годы, проведенные в изгнании, бывший соратник Юлия ужасно постарел. Он стал еще толще, под глазами у него появились темные, раздутые мешки, на щеках – сеть мелких лопнувших сосудов. Раздражение на щеках и подбородке говорило о том, что он побрился впервые за несколько месяцев. Глаза Бибула ярко сверкали, и Марк Брут засомневался – не выпил ли тот, праздная смерть своего врага?

Не похоже было, что новости Кассия повергнут собравшихся в шок. Выражение лиц слишком многих сенаторов, а также то, как они переглядывались и обменивались кивками, однозначно указывали, что им известно о смерти Цезаря. Брут презирал их всех, ненавидел за изнеженность и само-

довольство. Он побывал в Египте, Испании, Галлии, он сражался за Республику, убивал за нее, пока они сидели здесь и говорили дни напролет, ничего не зная о жизни людей, которые проливали за них свою кровь.

Гай Кассий направился к ростре. Когда-то она была изготовлена из носовой части боевого карфагенского корабля и символизировала мощь Рима, но потом сгорела во время пожара, как и практически все остальное в этом здании. Теперь ее заменила копия меньших размеров. Брут перевел взгляд на мужчину, который стоял за рострой, и замер. Ему внезапно стало ясно, что с того момента, как он вошел в зал заседаний, его пристально разглядывали.

Последний год консульства Марка Антония еще не закончился. До утренних событий он был лишь марионеткой Цезаря, но теперь все изменилось. С возвращением Республики бразды правления переходили в руки консула. В этом человеке чувствовался лидер, и Брут не мог не признать, что Антоний – высокий, мускулистый мужчина с чертами лица и прямым носом коренного римлянина – обладал всем необходимым. Никто из Освободителей, готовя убийство, не знал, как он отреагирует на случившееся. Один из заговорщиков, Гай Требоний, получил задание отвлечь консула. Марк Брут увидел молодого сенатора сидящим неподалеку. Выглядел он столь довольным собой, что у генерала свело живот.

Марк Антоний смотрел на него поверх голов сидящих сенаторов, и Брут чувствовал: тот в курсе всего случившегося

и потрясен. Консулу сообщили, или он услышал новость, когда об убийстве начали шептаться все вокруг. Цезарь убит. Тиран мертв. Они все знают, внезапно понял Брут. И однако никто еще не объявил об этом во весь голос.

Кассий Лонгин встал у ростры. Марк Антоний возвышался над ним на целую голову. Кассий вскинул правую руку, коснулся дерева, как талисмана, и заговорил в наступившей тишине:

– В этот день, в мартовские иды, Рим освобожден от угнетателя. Пусть весть об этом разнесется по всему свету. Цезарь мертв, и Республика восстановлена. Пусть возрадуются духи наших отцов. Пусть возрадуется город. Цезарь мертв, и Рим свободен!

Эти слова вызвали громкие крики. Сенаторы с побагровевшими от напряжения лицами радостно орали и так топали ногами, что дрожали стены. Марк Антоний стоял, склонив голову, на шее у него вздулись жилы.

Внезапно Брут подумал о египетской правительнице, Клеопатре, находящейся теперь в красивом римском доме, где ее поселил Цезарь. Наверняка царица еще не знала о том, что случилось с отцом ее сына. Он представил себе, какую панику вызовет у нее эта весть. Не сомневался генерал и в том, что она тут же соберет драгоценности и покинет Рим со скоростью, на какую только способны хорошие лошади. Мысль эта впервые за все утро вызвала у него улыбку. В ближайшие месяцы предстояло возродить заново столь мно-

гое. Цезарь был подобен огромной глыбе, подавлявшей все и вся в этом городе. Теперь они распрямятся, станут сильнее и лучше, чем были прежде. Брут это чувствовал. Его время наконец-то пришло.

Сенат почти забыл о своей прежней роли. Марк Брут видел, как эти людишки вновь осознавали находящуюся в их руках власть. Еще вчера они были слугами, а этим утром, под победные крики, вновь стали свободными людьми. Исключительно благодаря ему. Брут склонил голову, занятый своими мыслями, но, услышав голос Антония, вновь поднял взгляд. Предчувствие беды вернулось.

– Сенаторы, успокойтесь! – возвысил голос Марк Антоний. – Теперь, когда мы знаем о случившемся, нам уже сегодня надо сделать очень многое.

Брут нахмурился. Этот человек всегда поддерживал Цезаря. Для него все закончено. Ему бы сейчас с достоинством покинуть зал заседаний сената и спасти свою жизнь.

– На Марсовом поле легионы ждут, что Цезарь поведет их на Парфию, – продолжил Антоний, не замечая раздражения Брута. – Их необходимо успокоить до того, как они узнают новости. Они верны Цезарю. Их надо гладить по шерстке, иначе не избежать мятежа. Только авторитет сената стоит между всеми нами и анархией в этом городе. Сенаторы, успокойтесь! – Последние слова прозвучали приказом, громко и резко, и шум в зале заседаний наконец стих.

Брут, стоявший у двери, с сомнением покачал головой.

Марк Антоний, конечно, не дурак, но сейчас он зарвался. Возможно, думает, что сможет стать частью новой эры, хотя долгие годы выслуживался перед Цезарем. Все это чистой воды политика, но Брут понимал: многие сенаторы еще пребывают в растерянности и не знают, как вести себя в изменившемся мире. У консула даже есть шанс спастись, но для этого ему следует свершать каждый шаг с максимальной осторожностью. Прошлые обиды никуда не делись, на Антония многие затаили зло. Тем не менее этим утром он еще оставался консулом.

– Необходимо провести голосование до того, как кто-то из нас выйдет из этих стен, – продолжил Марк Антоний, и его сильный голос заполнил зал заседаний. – Объявив амнистию убийцам Цезаря, мы подавим мятеж еще до того, как он начнется. Граждане и легионы увидят, что мы восстановили справедливость и закон, которые поправил один человек. Я объявляю голосование.

Брут застыл, ему вновь стало не по себе. Кассий стоял у ростры, приоткрыв рот. Это ему следовало объявить голосование по амнистии. Об этом был уговор, и Освободители знали, что их оправдают. Брут едва не взвыл от злости, когда с этим важным шагом их опередил любимчик Цезаря. Слова рвались из груди. Цезарь оставлял Рим на Антония, когда уходил в поход на врага, Антоний был его ручным консулом, маской, позволяющей скрывать тиранию. Какое право имел этот человек говорить так, будто именно он вернул им Рес-

публику? Генерал уже шагнул вперед, но голос Марка Антония остановил его.

– Я прошу только об одном: в смерти не лишайте Цезаря достоинства. Он был гордостью Рима. Легионы и народ ждут, что его заслуги оценят по достоинству. Неужели люди, которые низвергли его, откажут ему в этом? Не должно быть ни тени позора, никаких тайных похорон. Давайте отнесемся к божественному Юлию с уважением. Теперь, когда он ушел из этого мира. Теперь, когда он покинул Рим.

В раздражении Гай Кассий поднялся на возвышение, но, хотя теперь он и стоял рядом с Марком Антонием, консул выглядел куда выше и мощнее его. Прежде чем Кассий заговорил, Антоний наклонился к нему и прошептал:

– Ты победил, Кассий. Сейчас не время для сведения мелочных счетов. Легионы ждут похорон на Форуме.

Кассий какое-то время обдумывал его слова. Наконец он кивнул. Брут стоял на прежнем месте, и его правая рука сжала воздух там, где недавно была рукоять гладия.

– Я благодарю консула Марка Антония за четкое и ясное изложение своей позиции, – начал Кассий. – И я с ним согласен. Порядок прежде всего, он важнее закона, важнее мира. Давайте проголосуем, а потом выйдем к людям и успокоим их. Почтим Цезаря в его смерти.

Сенаторы смотрели на Гая Кассия, а Марк Брут энергично кивнул: ему понравилось, как его сообщник взял инициативу на себя. О начале голосования или дебатов должны бы-

ли объявлять специально предназначенные для этого люди, но, когда они поднялись со своих мест и направились к ростре, Кассий заговорил вновь, игнорируя их присутствие. В это утро он не хотел долгих обсуждений, не хотел, чтобы кто-то еще выступал до того, как они покончат с самым важным. Напряжение, сковывавшее Брута, стало ослабевать.

– Те, кто за полную амнистию Освободителям Рима, встаньте, чтобы вас пересчитали, – призвал Кассий.

Генерал увидел, как толстяк Бибул, лицо которого блестело от пота, вскочил с энергией молодого человека. Мгновением позже его примеру последовали остальные. Те, кто, как Марк Антоний, уже и так были на ногах, подняли правую руку. После короткой паузы Кассий с облегченным видом кивнул. Его тоже постепенно покидало напряжение.

– Кто против? – задал он следующий вопрос.

Сенаторы сели, все разом, как один человек, и никто не поднялся вновь. Почему-то Бруту больно было это видеть. Половина из присутствующих прекрасно знала, что жизнью и богатством они обязаны Юлию Цезарю. Их семьи дружили между собой, вместе они шли к вершине. Он тщательно выбирал их – людей, которым доверял, которых хотел видеть рядом с собой. И теперь они не решились постоять за него даже в смерти. Брут был разочарован, хотя прекрасно все понимал. Они хотели жить и полностью отдавали себе отчет, куда дует ветер. Тем не менее Цезарь заслуживал лучшего в свой последний день в этом мире.

Брут вновь покачал головой и почувствовал, как трескается на руках корка запекшейся крови. Недалеко от здания сената на Форуме был фонтан, и ему захотелось вымыть руки. Пока Кассий поздравлял сенат с принятым решением, Брут выскользнул в солнечный свет, взял у солдат меч, медленно спустился по ступеням и направился к фонтану.

Там уже собралась толпа: мужчины и женщины в ярких одеждах. Брут чувствовал на себе их взгляды, но не поднимал глаз. Он знал, что новость успела распространиться по городу. Его сообщники и не пытались скрыть произошедшее.

Он потерял руки, опустив их в ледяную воду, которая поступала по акведуку с далеких гор по сужающимся свинцовым трубам, чтобы выплеснуться, чистой и сладкой, здесь, на Форуме. Кто-то ахнул, увидев красное пятно, расплывающееся вокруг рук генерала, но тот ни на кого не обращал внимания.

– Это правда? – внезапно спросила какая-то женщина.

Брут поднял голову, потом потер мокрыми руками щеки, ощутив ладонями жесткую щетину. На женщине была стола из дорогой материи, обнажающая загорелое плечо, волосы ее элегантно забраны серебряными заколками. Красотка, глаза подведены сурьмой, как у куртизанки. Генералу стало любопытно, как много других римлян по всему городу задают тот же вопрос.

– Что – правда? – переспросил он.

– Что божественный Цезарь мертв и его убили? Ты знаешь? – Темные глаза горожанки блестели от слез, когда она смотрела на человека, смывающего кровь с рук.

Брут вспомнил удар, который он нанес совсем недавно – и в то же время в другой жизни.

– Я ничего не знаю, – ответил он, отворачиваясь.

Его взгляд скользил по Капитолийскому холму, словно он пытался увидеть отсюда просторное здание театра Помпея. Лежало ли тело Цезаря все еще там, на мраморных скамьях? Они не отдали никаких приказов насчет убитого. На мгновение Брут почувствовал, как у него защипало глаза от мысли, что Юлий по-прежнему там, совсем один и всеми забытый. Они долго, очень долго были друзьями.

Часть первая

Глава 1

Гай Октавиан Фурин поморщился, чувствуя, как раскаленные камни жгут подошвы ног сквозь тонкие сандалии. Рим заявлял, что с ним в Грецию наконец-то пришла цивилизация, но до горных деревень она точно еще не добралась. Вдали от побережья люди относились к незнакомцам с недоверием, а то и просто враждебно. Ответом даже на обычную просьбу разрешить воспользоваться колодцем бывали хмурый взгляд и захлопнутая перед носом дверь. Солнце продолжало жарить, сжигая шеи. Октавиан вспомнил, как насмешливо улыбался, слушая рассуждения местного претора о том, что в Греции есть места, где у молодого римлянина шансов выжить не больше, чем у сборщика налогов. Претор, конечно, преувеличивал, но ненамного.

Пришлось остановиться, чтобы вытереть с лица пот. Местность была дикой, каньоны напоминали бездонные пропасти. Октавиан глубоко вздохнул, внезапно осознав, что теперь он будет вынужден идти пешком. Местные мальчишки получили бы огромное удовольствие, наблюдая, как три римлянина со стертymi ногами ищут украденных лошадей.

Октавиан держался настороже, ища следы группы обо-

рванцев, которую преследовал вместе со своими товарищами. Поначалу вверх вела только одна тропа, но потом они вышли на развилку, а через какое-то время – еще на одну. Октавиан не знал, известно ли бандитам, что их преследуют, или они просто разделились, специально решив возвращаться домой разными дорогами, растворившись в горах, как это делали их предки не одну тысячу лет. У него закололо в боку, и он поднялся на цыпочки, чтобы заглянуть как можно дальше. Ему так и чудился лучник, затаившийся в какой-нибудь расщелине. Стрелы полетят до того, как он заметит угрозу.

– Скажите мне, если что-нибудь увидите, – обратился Гай Октавиан к своим спутникам.

Гай Цильний Меценат фыркнул и махнул рукой, обводя голые скалы:

– Я не следопыт. Насколько мне известно, они могли пройти здесь со стадом коз час тому назад. Почему бы нам не вернуться к основному отряду и не продолжить поиски оттуда? Не так я собирался проводить время в отпуске. Рассчитывал, что будет больше вина и меньше... карабканья по горам, – пробурчал он, когда они добрались до большого скального уступа.

Тропа исчезла, и теперь сандалии скользили по камням. Солнце по-прежнему яростно припекало, небо слепило яркой синевой. Все трое сильно потели, и единственная фляга с водой давно опустела.

– По крайней мере, местные жители знают эти горы, – про-

должал Меценат. — Они знают, где искать.

Октавиан не стал тратить силы на ответ. Склон становился все круче, и в конце концов ему пришлось пустить в ход руки, чтобы не свалиться. Теперь они карабкались по скалам в полном смысле этого слова. Октавиан учащенно дышал. Добравшись до гребня, он посмотрел вниз, чтобы определить лучший маршрут для спуска. Лабиринт серых скал уходил вдаль. Если тут кто-то и жил, так это ящерицы, которые убегали из-под ног чуть ли не при каждом шаге.

— Ты хочешь, чтобы я стоял и наблюдал, не ударив пальцем о палец, чтобы помочь им? — внезапно спросил Октавиан. — Изнасилование и убийство, Меценат. Ты видел ее тело. Разве мы поступили бы честно, позволив нескольким фермерам преследовать бандитов, а сами стояли бы в стороне, подтверждая все то, что говорят о ленивых римлянах? Пошли!

Он мотнул головой, указывая, каким путем они доберутся до дна каньона, и начал спускаться. Теперь скалы, по крайней мере, иногда прикрывали их от солнца, впрочем, потом оно находило их снова.

— Что мне до мнения греческих крестьян? — бормотал Цильний Меценат, но тихо, себе под нос, чтобы не услышал Октавиан. Он происходил из такого древнего рода, что даже отказывался называть себя потомком близнецов, вскормленных волчицей и основавших Рим. Та волчица, говорил он, принадлежала его предкам. Когда они впервые встретились с Гаем Октавианом, Меценат исходил из того, что его но-

вый знакомый, который лично знает Цезаря, будет не слишком впечатлен происхождением из обычного знатного рода. Но со временем он осознал, что Октавиан воспринимает его, Мецената, таким, каков он есть сам по себе. И как выяснилось, не очень-то это было просто – соответствовать столь высоко поднятой им самим планке. Цильний чувствовал, что Октавиан не вполне понимает, в чем смысл благородного происхождения. Важно не кто ты сам, а кем были твои предки. И молодому патрицию никак не удавалось пошатнуть в друге простую веру в обратное. Октавиан Фурин познал бедность, потому что его отец рано умер. А раз уж он думал, что высокорожденный римлянин всегда храбр и честен, Меценат не хотел его разочаровывать.

При этой мысли Цильний вздохнул. Их простые туники и обмотки на ногах не очень-то подходили для лазания по горам под полуденным солнцем. Обмотки потемнели от пота. И Меценат чувствовал, что в кровь расчесал себе кожу под туникой. Запах собственного пота долетал до его ноздрей и во время подъема, и при спуске, и молодой аристократ недовольно морщился. Ножны меча застряли в щели между камней, и Меценат выругался, высвобождая их. Лицо побагровело, когда он услышал за спиной смех другого своего спутника.

– Я рад, что сумел повеселить тебя, Агриппа, – бросил он их общему другу, до сих пор молчавшему. – Теперь набор удовольствий, отпущенных на этот день, полон.

Марк Виспансий Агриппа сухо улыбнулся и, ничего не ответив, поравнялся с ним, а затем проследовал дальше громадными шагами, соответствующими его росту и силе. Служивший во флоте центурион был на голову выше своих спутников, а постоянная физическая нагрузка на борту римских галер наполнила силой его руки и ноги. Что подъем, что спуск давались ему без видимых усилий, и его дыхание осталось ровным и спокойным, когда они добрались до дна каньона. Октавиан отстал на несколько шагов, а когда нагнал спутника, вдвоем они дождались Мецената, который отстал еще сильнее.

– Вы понимаете, что на обратном пути нам придется вновь лезть на этот гребень? – спросил он, спрыгивая с камня рядом с ними.

Гай Октавиан застонал:

– Не хочу спорить с тобой, Меценат. Будет проще, если ты сосредоточишься на том, что мы делаем сейчас, не заглядывая в будущее.

– В этих чертовых скалах тысяча троп, – не унимался Цильний. – Я склонен думать, что бандиты уже далеко, пьют что-то холодное, тогда как мы умираем от жажды.

Усмехаясь, Агриппа указал на пыльную землю, и патриций, посмотрев вниз, увидел следы множества людей.

– Ох! – Он рывком вытащил меч, будто ожидал немедленной атаки. – Хотя, может, это просто местные пастухи?

– Возможно, – ответил Октавиан, – но этой тропой по-

шли только мы, так что надо проверить. – Он тоже достал гладий, где-то на ширину ладони более короткий, чем у Мецената, но хорошо смазанный и потому выскользнувший из ножен практически бесшумно. Гай Цильний почувствовал жар, идущий от клинка.

Агриппа последовал их примеру, и втроем мужчины медленно двинулись в каньон, оглядываясь на каждом шагу. Октавиан оказался чуть впереди, гигант Агриппа шел по правую руку от него, а Меценат – по левую. С тех пор как они подружились, Октавиан всегда возглавлял их, как будто иной альтернативы не было. Эту врожденную уверенность в себе Цильний признавал и ценил. Любой семье благородного происхождения приходилось с чего-то начинать, хотя бы и с эпохи Цезаря. От этой мысли он улыбнулся, но улыбка застыла на его губах испуганной гримасой, когда они обошли высокую скалу и увидели стоявших в ее тени людей. Октавиан не сбавил темпа – он шел, опустив меч. Еще три шага, и они тоже вошли в тень. Каменные стены нависли над их головами. Тут Октавиан остановился, холодно глядя на мужчин, оказавшихся на его пути.

Тропа тянулась и дальше, и Меценат увидел на ней терпеливо ждущих нагруженных мулов. Мужчины, которые стояли перед ними, не выглядели удивленными или испуганными: они с любопытством смотрели на троих молодых римлян. Самый могучий из них поднял меч – старинный, из другого века длинный железный меч, больше похожий на мяс-

ницкий нож. Черная борода мужчины достигала середины груди, а под лохмотьями бугрились мышцы. Он ухмыльнулся. Между оставшимися зубами у него во рту зияли дыры.

– Вы сильно обогнали ваших друзей, – сказал он на греческом.

Меценат знал этот язык, а Октавиан и Агриппа не понимали ни слова. Но оба даже не повернули головы, чтобы посмотреть на понимающего местную речь друга: слишком много мечей были устремлены в их сторону. Да к тому же патриций и сам чувствовал, чего от него ждут.

– Я должен переводить? – спросил он, вытаскивая подзабытые греческие слова из памяти. – Я знаю высокий слог, но ты говоришь с таким сильным крестьянским акцентом, что я едва понимаю тебя. Хрипишь, как умирающий мул. Говори медленно и ясно, как говорил бы, извиняясь перед своим господином.

Мужчина глянул на него с удивлением, его лицо потемнело от злости. Он понимал, что убийство римлян превратит его в преступника, за которым начнется охота, но горы и прежде надежно прятали тела убитых и, если потребуется, могли спрятать снова. Он чуть вскинул голову, оценивая свои шансы.

– Нам нужен тот, кто изнасиловал и задушил женщину, – продолжил Меценат. – Передайте его нам и живите дальше свои короткие и бесцельные жизни.

Главарь бандитов зарычал и шагнул в направлении рим-

лян.

– Что ты ему сказал? – спросил Гай Октавиан, не сводя глаз с разгневанного грека.

– Я похвалил его бороду, – ответил его друг. – Никогда такой не видел.

– Меценат! – рявкнул Октавиан. – Это же они. Просто выясни, знает ли он того, кого мы ищем.

– Эй, борода! Ты знаешь того, кто нам нужен? – Меценат снова перешел на греческий.

– Я – тот, кто вам нужен, римлянин, – ответил главарь. – И если вы пришли сюда одни, то допустили ошибку.

Бородатый бандит посмотрел на скалы над их головами и на синее небо в поисках намека на тени, которые могли бы указать, что римлян более трех, стоящих перед ним, и это ловушка. Удовлетворенно буркнув что-то себе под нос, он глянул на своих сообщников. Один из них, смуглый и тощий, с широким носом, выхватил кинжал. Его намерения сомнений не вызывали.

Октавиан тут же шагнул вперед и, не произнеся ни слова, без предупреждения стремительно махнул мечом, рассекая горло ближайшему разбойнику. Тот выронил кинжал, обеими руками схватился за шею и, задыхаясь, рухнул на колени.

Главарь на мгновение застыл, затем издал яростный крик, подхваченный остальными разбойниками, и занес меч над головой Октавиана, но Агриппа подскочил к нему, одной рукой перехватил руку с оружием, а другой вонзил разбойни-

ку кинжал между ребрами. Предводитель бандитов сжался, словно сморщился порванный бурдюк с вином, и с грохотом повалился на спину.

Банду потряс этот стремительный натиск. Но Октавиан Фурин и не думал останавливаться: он бросился на следующего разбойника, уставившегося на него в замешательстве, и, вложив в удар всю силу и практически отрубив голову, убил его секущим ударом меча. Гладий с такой работой справлялся отлично, а Октавиан отлично знал, как им пользоваться.

Остальные готовы были броситься в бегство, и так и поступили бы, если бы их мулы не перегораживали тропу. Вынужденные принять бой, они сражались отчаянно, изо всех сил пытаясь отражать смертоносные удары римлян. Но Октавиана и его друзей готовили к боям с детства. Они были профессиональными солдатами, разбойники же привыкли иметь дело с перепуганными крестьянами, редко пытавшимися защитить себя. Так что все старания оставшихся в живых участников банды шли прахом. Их удары легко отражались, ответные же без труда достигали цели. Маленький каньон наполнился криками и стонами бандитов, которые один за другим валились на землю. Римлян не защищала броня, но они стояли рядом, прикрывая друг друга, в то время как их мечи неумолимо взлетали и опускались, а по клинкам струилась теплая кровь.

Все закончилось в считанные секунды. На ногах остались

только трое друзей, тяжело переводящих дух. Из резанных ран на руках Октавиана и Агриппы струилась кровь, но они не замечали этого, еще не отойдя от боя.

– Головы возьмем с собой, – решил Гай Октавиан. – Муж той женщины захочет на них взглянуть.

– Все? – переспросил Меценат. – Одной же достаточно, разве нет?

Октавиан посмотрел на друга, потом протянул руку и сжал его плечо.

– Ты все сделал хорошо. Спасибо тебе. Положим головы в мешок из их одежды. Я хочу, чтобы вся та деревня знала: римляне убили этих людей. Они это запомнят... и я подозреваю, откроют кувшины самого лучшего вина и заодно нарежут пару коз или свиней. Возможно, ты даже найдешь там на все согласную девушку. Просто отрежь головы.

Меценат скорчил гримасу. В детстве слуги выполняли любую его прихоть, однако Октавиан каким-то образом умел заставить его работать и потеть, как домашнего раба. Если бы его наставники увидели такое, они застыли бы с раскрытыми от изумления ртами.

– Здесь у дочерей усы такие же густые, как у отцов, – ответил он. – Может, в полной темноте я кого-нибудь и найду, но не раньше.

Морщась, он принялся за грязную работу. Агриппа присоединился к нему, опуская меч с такой силой, что перерубал шейные позвонки одним ударом.

Октавиан встал на колени рядом с телом главаря и на мгновение встретился взглядом с его остекленевшими глазами. Он кивнул, прокручивая в голове перипетии боя, и только тут заметил по-прежнему кровоточащую рану на собственной руке. В свои двадцать он не впервые получал ранение. Еще один шрам, который добавится к остальным. Он принялся рубить шею разбойника, удерживая голову на месте за сальную бороду.

* * *

Лошадей они нашли там же, где оставили: опаленных солнцем, пошатывающихся от усталости, с распухшими от жажды языками. До деревни римляне добрались уже на закате. Из двух окрасившихся красным мешков на землю капала кровь. Местные мужчины вернулись раньше, с пустыми руками и пылая яростью, но их настроение изменилось, как только Октавиан развязал мешки и головы вывалились в дорожную пыль. Муж убитой женщины обнял и расцеловал его со слезами на глазах. Затем, на миг отпустив римлянина, он швырнул головы в стену, после чего вновь заключил его в объятия. Перевода тут не требовалось. Еще через несколько минут римские воины ушли, оставив мужчину и его детей скорбеть об ушедшей жене и матери.

Другие крестьяне принесли еду и выпивку из холодных подвалов и поставили под открытым небом грубо сколочен-

ные столы, желая устроить пир для молодых героев. Как и предполагал Гай Октавиан, им было предложено и поджаренное по этому случаю мясо, и крепкий напиток со вкусом аниса. Они пили, не думая о завтрашнем утре, чашу за чашей, не уступая местным, пока деревня не начала качаться и расплываться у них перед глазами. Лишь несколько крестьян говорили на латыни, но это не имело никакого значения.

Сквозь пьяный туман Октавиан вдруг осознал, что Меценат в который раз задает ему вопрос. Он вслушался, рассмеялся и тут же выругался на собственную неловкость, потому что расплескал содержимое чаши.

– Ты не поверишь, – ответил он своему знатному другу. – Рим называют Вечным городом не без причины. Римляне будут здесь тысячу лет, и даже дольше. Или ты думаешь, что какой-то другой народ возвысится и станет нашими хозяевами? – Он пристально наблюдал, как наполняют его чашу.

– Афины, Спарта, Фивы... – Меценат загибал пальцы. – Знаменитые названия, Октавиан. Несомненно, жители этих городов думали так же. Когда Александр растрачивал жизнь в битвах в далеких землях, думаешь, он верил, что настанет день, когда всеми этими землями буду править римляне? Он бы громко засмеялся, как ты сейчас. – Произнося эту речь, Цильний улыбался, довольный тем, что от негодования его друг аж закашлялся.

– *Растрачивал* свою жизнь? – переспросил Октавиан, когда приступ кашля прошел. – Ты серьезно предполагаешь,

что Александр Великий мог бы прожить эти годы с большей пользой? Никогда в это не поверю. Я буду стойким и благородным римлянином, таким... — Он замолчал, потому что выпитое вино путало его мысли. — Точно слишком стойким и благородным, чтобы слушать тебя.

— У Александра были загибающие руки купца, — не унился Меценат. — Он вечно был в трудах, в трудах, и что это ему принесло? Столько лет он только и делал, что сражался, но не думаешь ли ты, что, если бы знал, как умрет — молодым в чужой земле, предпочел бы провести эти годы, нежась на солнце? Будь он здесь, ты мог бы его спросить. Я думаю, он бы предпочел хорошее вино и красивых женщин бесконечным сражениям. Но ты не ответил на мой вопрос, Октавиан. Греция правила миром, так чем же Рим отличается от нее? После нас, через тысячу лет, будет править кто-то еще! — Он взмахом руки отказался от блюда с нарезанным мясом и улыбнулся подносящим его двум пожилым женщинам, зная, что они не понимают его слов.

Гай Октавиан покачал головой. С преувеличенной осторожностью он поставил свою чашу и принялся загибать пальцы, как это только что делал его собеседник:

— Первое: потому что нас не победить в битве. Второе... потому что нам завидуют люди, которыми правят жалкие цари. Они хотят стать такими же, как мы, а не свергнуть тех, кому завидуют. Третье... третьего придумать не могу. Остановлюсь на двух.

– Двух доводов недостаточно! – воскликнул Меценат. – Ты мог бы убедить меня тремя, но не двумя! Греки когда-то были величайшими воинами мира. – Он взмахнул пальцами, словно рассеивая щепоть пыли. – *Вот что* осталось от их величия – все оно ушло. *Вот что* осталось и от спартанцев, несколько сотен которых напугали всю армию Дария. Другие народы всему научатся от нас, скопируют наши методы и тактику. Признаю, не могу представить себе наших солдат, терпящих поражение от грязных племен, какие бы уловки те ни использовали, но все-таки такое может произойти. Второй довод... они хотят того, что есть у нас? Да, и мы тоже хотели культуру греков. Но мы не пришли спокойно, как воспитанные люди, не попросили ее. Нет, Октавиан! Мы ее взяли, и заимствовали их богов, и построили наши храмы, и прикинулись, будто все это – наша собственная идея. Со временем кто-то придет и проделает то же самое с нами, и мы сами не поймем, как это вышло. Вот твои два довода – в пыли под моими сандалиями. – Он поднял ступню и указал пальцем на землю. – Ты их видишь? Видишь свои доводы?

С другой скамьи, на которой вытянувшись лежал Агриппа, донеслось какое-то бурчание.

– Горилла просыпается! – весело воскликнул Меценат. – Нашему просоленному другу есть что добавить? Какие новости от флота?

Виспансий Агриппа в сравнении с крестьянами казался великаном. Скамья стонала и гнулась под весом его тела. По-

ворачиваясь, он чуть не свалился с нее, но успел опереться о землю мускулистой рукой. Со вздохом моряк сел, бросил мрачный взгляд на Мецената и наклонился вперед, уперев локти в колени.

– Я не смог заснуть под ваше квохтанье.

– Твой храп называет тебя лжецом, не я, – ответил Меценат, приняв протянутую ему полную чашу.

Агриппа потер лицо руками и почесал завитки черной бороды, отросшей за последние несколько недель.

– Я скажу только одно, – продолжил он, подавив зевок, – прежде чем найду более удобное и спокойное место для сна. После нас не будет никакой новой империи, потому что у нас достаточно богатств, чтобы противостоять любому племени. Мы сотни тысяч платим за людей и миллионы – за мечи и копья во всех наших землях. Кто рискнет бросить вызов, зная, что затем на него обрушится вся мощь Цезаря?

– Для тебя все всегда сводится к деньгам, так, Агриппа? – Глаза Мецената весело блестели. Ему нравилось поддевать здоровяка, и оба они это знали. – Ты по-прежнему мыслишь как сын торговца. Меня это, разумеется, не удивляет. Это у тебя в крови, и с этим ты ничего не можешь поделать, но, хотя в Риме и много купцов, нашу судьбу, наше будущее определяют люди благородного происхождения.

Виспансий фыркнул. Становилось все прохладнее, и он потер свои голые руки.

– Тебя послушать, человек благородного происхождения

будет проводить свои дни на солнце, с вином и прекрасными женщинами, – проворчал он.

– Так ты меня слушал! Не понимаю, как ты это делал, все время храпя. Это редкий талант!

Агриппа улыбнулся, и белые зубы сверкнули в его черной бороде.

– Благодарю богов, Меценат, за мою кровь, – сказал он. – Такие люди, как мой отец, строили Рим и укрепляли его силу. А те, что вроде тебя, ездили на породистых лошадях и произносили звонкие речи, совсем как Аристотель и Сократ, выступавшие на агоре.

– Я иногда забываю, что ты получил образование, Агриппа. Когда я смотрю на тебя, почему-то вижу неграмотного крестьянина, – огрызнулся Цильний.

– А когда я смотрю на тебя, то думаю, что ты уж как-то слишком любишь мужскую компанию.

Октавиан застонал от этой перебранки. У него кружилась голова, и он потерял счет времени.

– Уймись, вы, оба! – велел он. – Думаю, мы съели и выпили все зимние запасы этих крестьян. Извинитесь друг перед другом и присоединяйтесь ко мне за очередным кувшином.

Меценат вскинул брови:

– Ты еще не спишь? Помни, ты проспоришь мне аурей²,

² *Аурей* (Aureus) – древнеримская золотая монета. Первоначально использовалась исключительно в качестве наградной монеты – для раздачи войскам в на-

если заснешь или расстанешься с ужином раньше меня. Я чувствую себя очень свежим.

Октавиан молча смотрел на него, дожидаясь, пока его знатный друг сдастся, и тот в конце концов вздохнул:

– Очень хорошо, друг мой. Я извиняюсь за предположение, что череп Агриппы лучше всего использовать в качестве тарана.

– Ты этого не говорил, – покачал головой Октавиан.

– Я так подумал, – ответил Меценат.

– А ты, Агриппа? Проявишь такое же благородство?

– Я изо всех сил стремлюсь подняться на его уровень и, как ты просишь, извиняюсь за слова о том, что он не работает так много, как ему кажется, даже если станет торговать собой с почасовой оплатой.

Меценат захохотал, но внезапно побледнел и отвернулся, чтобы облегчить желудок. Одна из старух что-то пробормотала, но слов он не разобрал.

– Это ты должен мне аурей, Меценат. – В голосе Октавиана слышалась удовлетворенность. Его друг в ответ только стонал.

Глава 2

Следующим утром, когда встало солнце, Цильний Меценат, молчаливый и мучающийся похмельем, заставил себя

вылезти из кровати, чтобы присоединиться к Агриппе во дворе. Домик на период отпуска они арендовали маленький, зато с рабом, который им прислуживал. Закрыв один глаз, Меценат прищурил второй от ярких лучей, глядя на Агриппу, который уже начал разминку.

– А где Октавиан? – спросил он. – Еще спит?

– Здесь. – Гай Октавиан вышел из дома. Его волосы блестели от холодной воды, выглядел он бледным и больным, но все же бодро вскинул руку, приветствуя друзей. – Я не помню, как мы вернулись домой. Боги, у меня разбита голова, я в этом уверен. Я упал?

– Если только носом в кувшин. Ничего больше, – весело ответил Агриппа. Из них троих только он, похоже, способен был переваривать большие порции алкоголя и теперь наслаждался, наблюдая за страданиями своих товарищей.

– Что ты планируешь на последние дни нашего отпуска, Октавиан? – спросил Меценат. – Я уверен, тебе очень хочется провести их, обучая грамоте местных детей или помогая крестьянам в их нелегком труде на полях. Однако я слышал, что этим вечером состоится кулачный бой. Я пока не знаю точно, где именно, но, думаю, посмотреть стоит.

Октавиан покачал головой:

– Последний такой бой завершился дракой, и это неудивительно, так почти всегда и бывает. Та же история с петушиными боями. И нечего улыбаться, ты знаешь, что я прав. Этим людям хочется убивать.

Цильний Меценат отвернулся, вместо того чтобы начать спор.

– До конца отпуска у нас осталось два дня, – напомнил Виспансий. – Может, нам провести эти дни, занимаясь бегом и упражнениями? Я не хочу вернуться на свой корабль хилым, как дряхлый старик.

– Видишь ли, все дело в недостатке воображения, Агриппа, – указал ему Меценат. – Прежде всего, ты уже старик...

– В мои двадцать два я всего лишь на три года старше тебя, но продолжай, – перебил его Агриппа.

– ...и у тебя, как у вола, на костях слишком много мяса. Те из нас, кто не тратил годы, ворочая тяжести, так быстро проворства не теряют. Мы – скаковые лошади, знаешь ли, если метафора тебе понятна.

– Хочешь выставить свое проворство против моей силы? – спросил Агриппа, недобро улыбаясь.

Меценат скосил глаза на тяжелый учебный меч, которым его могучий друг рубил воздух.

– В прошлый раз ты отделал меня чуть ли не до потери сознания, а это уже не игра, – возразил он. – В реальном поединке я бы тебе спуска не дал, мой друг, но с этими чудо-мечами, залитыми свинцом? Это не меч, а дубинка для крестьян, а ты с таким энтузиазмом им размахиваешь. Нет уж, как-нибудь обойдусь. – Он приоткрыл второй глаз и теперь щурился обоими. – Однако я, конечно, думал об этом, после твоего последнего инструктажа.

– Другими словами, ты выучил полученный урок. – Агриппа улыбнулся. – Приятно это слышать.

Напряжение в маленьком дворике нарастало. Меценат не любил, когда его в чем-то превосходили, а в последний раз Виспансий Агриппа гонял его по двору как мальчишку, и Октавиан знал, как сильно это задело их товарища. С учетом габаритов и силы Агриппы исход боя на деревянных мечах сомнения не вызывал. Октавиан уже открыл рот, чтобы отвлечь их, но Меценат заметил метательные копья, которые рядом стояли у стены, – длинные римские копья с железным наконечником и деревянным древком – и просиял.

– Другое оружие, возможно, позволит мне научить кое-чему и тебя, – заявил патриций.

Агриппа фыркнул:

– То есть я должен предоставить тебе возможность достать меня с расстояния в полтора локтя? – Его глаза блестели, но Октавиан не мог определить, от злости или от веселья.

– Если ты боишься, я тебя пойму, – подзуживал его Меценат. – Нет? Отлично. – Он подошел к стене, взял копье и покачал его в руке.

Агриппа поднял деревянный меч, наискось прикрыв им грудь. Одетый только в тунику, обмотки и сандалии, он не испытывал восторга оттого, что наконечник копья уже находится в опасной близости от его тела.

– Перестань, Меценат. – Октавиану тоже все это не нравилось. – Придумаем на сегодня что-нибудь получше.

– Я уже придумал кое-что очень хорошее, – ответил его знатный друг. Он быстро сократил расстояние между собой и Агриппой и замахнулся копьем, заставив здоровяка по-морщиться. Агриппа покачал головой:

– Ты уверен? Это оружие солдат, а не патрициев.

– Думаю, сойдет и оно, – ответил Меценат и с этими словами направил копье в широкую грудь моряка, а потом, отведя оружие назад, нацелил его Агриппе в пах. – Да, очень даже сойдет. Защищайся, горилла!

Агриппа внимательно следил за противником, готовый ответить ударом на удар. Они частенько устраивали подобные учебные бои и прекрасно изучили приемы друг друга. Гай Октавиан нашел скамью и сел, зная по опыту, что различать их, пока они сами не закончат, смысла нет. Пусть они и были друзьями, но оба привыкли побеждать и не могли устоять перед возможностью устроить поединок. Октавиану оставалось только наблюдать.

Поначалу Агриппа просто отступал от нацеленного на него копья. Он нахмурился, когда наконечник оказался совсем рядом с его глазами, но ускользнул, блокировав удар учебным гладием. Меценат наслаждался тем, что загнал здоровяка в оборону, и начал даже немного куражиться. Его ноги стремительно переступали по утопанной земле.

Все закончилось так быстро, что Октавиан едва не пропустил кульминацию боя. Меценат поспешно и решительно бросился вперед, чтобы достать здоровяка и вонзить нако-

нечник в его тело. Агриппа блокировал выпад мечом, а потом, развернувшись от бедра, ударил левой рукой по древку. Оно переломилось, и, пока Цильний таращился на обломок, оставшийся у него в руке, противник приложил деревянный меч к его шее и рассмеялся.

– Победа! – воскликнул он.

Меценат молча оттолкнул меч и наклонился. Он поднял отломившуюся часть копья и увидел, что древко было глубоко подпилено, а распил замазан воском. Глаза у патриция округлились, и он направился к остальным копьям, стоявшим у стены. Молодой человек брал в руки копье за копьем, обнаруживал распил, ломал древко о колено и ругался. Агриппа принялся хохотать, глядя на разъяренного друга.

– Это сделал ты? – спросил тот. – И сколько у тебя ушло времени, чтобы подпилить каждое копье? Кем же надо быть, чтобы пойти на такие ухищрения? Да как ты вообще узнал, что я возьму копье? Ты безумец, Агриппа.

– Я стратег, вот кто я, – ответил силач, вытирая катившиеся из глаз слезы. – Какое же у тебя было лицо! Так жаль, что ты его не видел.

– Это бесчестное поведение, – пробормотал Меценат, и его противник, разумеется, снова расхохотался.

– По мне, так лучше быть крестьянином и победить, чем патрицием и проиграть. Так-то, друг мой.

Октавиан поднялся, чтобы взглянуть на сломанные копья. Он собрал волю в кулак, чтобы не улыбнуться, зная, что для

Мецената день уже и так безнадежно испорчен. Доставлять ему лишних душевных мук не хотелось.

– Я слышал, что этим утром на рынок должны привезти свежие апельсины, которые в дороге охлаждали льдом, – сообщил он своим товарищам. – Холодный сок определенно пойдет на пользу моей голове. Можете вы обменяться рукопожатием и побыть друзьями до конца этого дня? Пожалуй-ста, доставьте мне такое удовольствие!

– Я готов. – Агриппа протянул здоровенную, размером с лопату, правую ручищу. Меценат позволил своей ладони исчезнуть в ней.

Пока двое мужчин с насмешливым энтузиазмом скрепляли восстановление дружбы, во двор вбежал домашний раб Фидолий. Слуга работал усердно, старался не попадаться на глаза гостям, и Октавиан не очень хорошо его знал – он отмечал только вежливость и спокойствие раба.

– Господин, у ворот гонец. Он говорит, что у него для вас письма из Рима.

Октавиан Фурин застонал:

– Чувствую, меня зовут обратно. Цезарь гадает, куда подевался его любимый родственник, это точно.

Меценат и Агриппа смотрели на него с невинным видом. Октавиан махнул рукой:

– Пусть он еще немного подождет. В конце концов, прошел год после моего последнего отпуска. Устрой гонца как дорогого гостя, Фидолий. Я иду на рынок за свежими апель-

синами.

— Да, господин, — поклонился раб.

* * *

Трое римлян вернулись домой перед самым закатом. Они шумели, смеялись и обнимали трех молодых гречанок, с которыми познакомились на рынке. Именно Меценат подошел к ним в лавке ювелира и порекомендовал украшения, которые более всего им подходили.

Октавиан завидовал этому таланту своего друга: сам он развить его не мог, несмотря на все практические занятия, которые устраивал ему опытный в таких делах Цильний. Хотя вроде бы никакого таинства в этом и не было. Молодой патриций восторженно расхваливал женщин, летал между ними, убеждая примерить различные украшения. Ювелир терпеливо наблюдал, надеясь, что ему удастся хоть что-то продать. Насколько мог судить Октавиан, молодые гречанки с самого начала знали, чего хочет от них Меценат, но расточаемые комплименты и уверенность, с которой он держался, расположили их к нему и его спутникам.

Гай Октавиан крепко сжимал осиную талию женщины, которую привел домой, отчаянно пытаясь вспомнить ее имя. У него были веские основания подозревать, что ее имя совсем не Лайта, как ему хотелось ее назвать, и, чтобы не попасть впросак, ждал, что подруги обратятся к ней по имени.

Когда они добрались до ворот, Меценат внезапно прижал свою спутницу к выкрашенному белым камню и начал целовать, оглаживая ее. На шее женщины сверкал золотой медальон, его подарок. Две другие женщины могли похвалиться такими же. На покупку ушли практически все деньги, которые римляне отложили на последние дни отпуска.

Агриппе повезло меньше остальных. Все три женщины едва ли могли оказаться красавицами, и висевшую на его руке отличало крепкое телосложение и темные усики над верхней губой. Друзья уже давно не приводили женщин в дом, и на безрыбье силач не мог позволить себе воротить нос. Пока они ждали у закрытых ворот, он пощекотал бородой голое плечо женщины, и она звонко засмеялась.

Через считанные секунды домашний раб Фидолий, покрасневший и взволнованный, подбежал к воротам и распахнул их.

– Господин, слава богам! – воскликнул он. – Вы должны принять гонца.

На лице Октавиана читалось раздражение. Прекрасная гречанка прижималась к нему, и думать о Риме и армии сейчас хотелось меньше всего.

– Пожалуйста, господин, – взмолился Фидолий. Его буквально трясло, и Октавиан Фурин встревожился.

– Что-то с моей матерью? – спросил он.

Раб покачал головой:

– Пожалуйста, он ждет вас.

Молодой человек на шаг отступил от своей спутницы.

– Отведи меня к нему, – приказал он.

Фидолий облегченно вздохнул. Октавиан быстрым шагом, почти бегом, последовал за ним в дом.

Его друзья переглянулись: у обоих появилось предчувствие, что насладиться вечером, как было намечено, не удастся.

– Что-то мне это не нравится, – пробурчал Агриппа. – Да мы, в нашем доме ванная, которой нет равных. Подозреваю, что моему другу Меценату и мне придется провести несколько часов с нашим другом Октавианом, но если вы готовы подождать... – По выражению их лиц он все понял. – Нет? – Моряк вздохнул. – Очень хорошо. Я велю Фидолию сопровождать вас в город.

Меценат покачал головой:

– Что бы это ни было, этим можно заняться чуть позже, я в этом уверен. – Он многозначительно посмотрел на Виспансия, пытаясь убедить его в своей правоте. Женщина, с которой он только что целовался, похоже, полностью с ним соглашалась. Агриппу внезапно охватила злость.

– Поступай как знаешь, – буркнул он. – А я выясню, что происходит.

Широким шагом он ушел в дом, оставив ворота открытыми. Меценат вскинул брови:

– Почему бы вам втроем не посвятить молодого римлянина в таинства Греции?

Женщина Агриппы ахнула, молча развернулась и зашагала прочь. Пройдя двадцать шагов, она повернулась и позвала подруг. Те переглянулись, и на мгновение патриций подумал, что удача на его стороне. Но молчаливый обмен мнениями сложился не в его пользу.

– Извини, Меценат, может, в другой раз, – покачала головой одна из гречанок.

Он с тоской наблюдал, как они уходят – молодые, стройные и с тремя золотыми медальонами. Выругавшись, молодой римлянин направился в дом, злой и раздраженный.

Октавиан чуть не бегом ворвался в зал. Потрясение, читавшееся на лице домашнего раба, привело его в волнение, которое с каждой минутой становилось все сильнее. Гонец поднялся, чтобы отсалютовать и молча передать ему письмо.

Молодой воин сломал восковую печать матери, быстро прочитал послание и сделал глубокий вдох. Потом перечитал его еще раз, чувствуя, как встали дыбом волоски на загривке и голых ногах. Ошеломленно покачав головой, молодой римлянин подошел к скамье и сел, снова и снова перечитывая написанные строки.

– Господин... – обратился к нему Фидолий. Гонец тем временем наклонился ближе, словно тоже хотел прочесть письмо.

– Вон отсюда, оба. Позовите моих друзей и убирайтесь, – приказал Гай Октавиан.

– Мне велено дожидаться ответа, – буркнул гонец.

Октавиан вскочил, схватил его за грудки и отшвырнул к двери.

– Вон *отсюда*!

Агриппа и Меценат слышали крик. Они выхватили мечи и побежали к своему другу, по пути столкнувшись с побагровевшим гонцом.

* * *

Фидолий зажег масляные лампы, и Октавиан медленно вышагивал от одного пятна света к другому и обратно. Меценат сидел спокойно, но лицо его заметно побледнело. Агриппа барабанил пальцами по колену, только этим и выдавая волнение.

– Я должен возвращаться. – Октавиан немного осип от долгих разговоров, но, взвинченный полученными новостями, не мог усидеть на месте. Шагая по комнате, он сжимал и разжимал правую руку, словно представляя себе, как расправляется с врагами. – Мне нужна информация. Так ты всегда говоришь, Агриппа? Знания – это все. Мне надо возвращаться в Рим. У меня там друзья.

– Теперь нет, – вставил Меценат. Октавиан остановился и развернулся к нему. Молодой аристократ отвернулся, смущенный искренним горем на лице друга. – Твой защитник мертв, Октавиан. Тебе не приходило в голову, что тебе тоже будет грозить опасность, если ты появишься в Риме? Он от-

носился к тебе как к своему наследнику, а эти «Освободители» не захотят, чтобы кто-то еще заявлял претензии на его собственность.

– Его наследник – Птолемей Цезарь! – рявкнул Октавиан Фурин. – Египетская царица позаботится о безопасности мальчика. Я... – Он прервал фразу, чтобы выругаться. – Я должен вернуться! Нельзя это так оставлять. Должен быть суд. Должно быть наказание. Они *убийцы*, среди бела дня растерзавшие правителя Рима и заявляющие, что они спасли Республику. Я должен вступить за него. Я должен вступить за Цезаря до того, как они сокроют правду ложью и лестью. Я знаю, чего от них ждать, Меценат. Они устроят пышные похороны, будут втирать пепел в кожу и скорбеть о смерти великого человека, но через месяц, а то и меньше, вновь начнут плести заговоры, искать новые способы возвыситься и никогда не поймут, какие они корыстные и ничтожные в сравнении с ним.

Он вновь закружил по комнате. Его охватила такая ярость, что он едва мог говорить и дышать. Меценат махнул рукой, поощряя Агриппу, который как раз откашливался, чтобы что-то сказать. И моряк заговорил – очень спокойно, прекрасно отдавая себе отчет, что их друг находится на грани нервного срыва. Так оно и было – молодой человек действительно еле держался на ногах, но не мог заставить себя присесть и отдохнуть.

– Твоя мать написала, что их амнистировали, Октавиан, –

сказал моряк. – Закон принят. С мщением ничего не получится, если только ты не хочешь восстановить против себя весь сенат. И сколько ты после этого проживешь?

– Сколько захочу, Агриппа. Позволь мне сказать тебе кое-что о Юлии Цезаре. Я видел, как он захватил в плен фараона в его собственном дворце в Александрии. Я был рядом с ним, когда он бросал вызов армиям и государствам, и никто не решался пойти против него. У сената столько власти, сколько мы позволим ему взять, ты это понимаешь? Если не позволим взять *ничего, ничего* и не будет. То, что называют властью, – не более чем тень. Юлий это понимал. Сенаторы принимают громкие законы, и обыкновенные люди склоняют перед ними головы, и все кричат, что это реальная власть... но это *не так!*

В подтверждение своих слов он покачал головой, но тут его самого качнуло, и он привалился плечом к стене. Его друзья озабоченно переглянулись. Гай Октавиан застыл, прижавшись лбом к холодной штукатурке.

– Тебе нехорошо, Октавиан? Тебе надо поспать, – решительно заявил Агриппа.

Агриппа поднялся, не зная, как поступить. Ему доводилось сталкиваться с безумцами, и он знал, что Октавиан теперь на грани, раздираемый ревушими эмоциями. Его другу требовался отдых, и силач подумывал о том, чтобы дать ему немного опиума. Занималась заря, и все они едва держались на ногах. Октавиан Фурин никак не мог отрешиться от пере-

полнявшей его ярости, которая сводила судорогой мышцы. Даже когда он стоял, его руки и ноги продолжали нервно подергиваться.

– Октавиан? – вновь позвал Агриппа. Ответа не последовало, и он посмотрел на Мецената, беспомощно вскинув руки.

Меценат с опаской подошел к молодому человеку. Эта нервная дрожь напоминала ему дрожь необъезженного жеребца, и, положив ему руку на плечо, он принялся успокаивать его невнятным бормотанием, словно обращаясь к возбужденному животному. Цильний чувствовал, что тело друга под туникой горит огнем. От его прикосновения измученный Октавиан обмяк и начал сползать по стене на пол. Меценат подхватил его, но вес оказался так велик, что ему едва удалось удержать друга и уложить его вдоль стены. К ужасу патриция, темное пятно появилось на промежности Октавиана, и резкий запах мочи разнесся по комнате.

– Что с ним? – Агриппа опустился рядом на корточки.

– По крайней мере, он дышит, – ответил Меценат. – Не знаю. Глаза двигаются, но я не думаю, что он бодрствует. Ты видел такое раньше?

– С ним – нет. Но знал центуриона, который страдал падучей. Помню, как он обдужся.

– Что с ним случилось? – спросил Цильний, не оборачиваясь.

Агриппа поморщился:

– Покончил с собой. Потерял уважение своих солдат. Тебе известно, какими они могут быть.

– Известно, – кивнул Меценат. – Возможно, такого больше не повторится. Никто не должен об этом знать. Мы его помоем, а когда он проснется, все будет забыто. Разум так странно устроен. Октавиан поверит всему, что мы ему скажем.

– Если только он уже не знает о своей болезни.

Оба подпрыгнули при звуке шагов. Возвращался раб Фидолий.

Меценат заговорил первым:

– Он не должен этого видеть. Я отвлеку Фидолия, займу его каким-нибудь делом. А ты займись Октавианом.

Виспансий Агриппа нахмурился при мысли о том, что придется снимать с друга пропитанную мочой одежду. Однако Цильний уже шел к двери, так что протест остался невысказанным. Со вздохом Агриппа поднял Октавиана на руки.

– Пошли. Пора помыться и надеть чистую одежду.

Ванная комната в доме была маленькой, и вода в нее подавалась холодная, если Фидолий не грел ее специально, но Агриппа полагал, что сойдет и такая. Неся обмякшее тело, он качал головой. Мысли в ней бродили нерадостные. Цезарь мертв, и только боги знали, какая судьба ждала его друга.

Глава 3

Сидя в тени, Марк Антоний прижал большие пальцы к глазам, борясь с усталостью. Когда ему еще не было тридцати, он мог бодрствовать всю ночь, а потом целый день заниматься обычными делами. В Галлии он совершал марш-бросок ночью, а утром сражался плечом к плечу с десятками тысяч других легионеров. Он знал, что возраст берет свое, но искренне полагал, что выносливость – такая же неотъемлемая его часть, как ум и рост, а теперь чувствовал, что она вытекает из него, словно вода из треснувшего кувшина.

Форум заполняли горожане и солдаты, пришедшие, чтобы в последний раз отдать почести Юлию Цезарю. Богатым и бедным приходилось стоять рядом, и из толпы то и дело раздавались крики раздражения и ярости, потому что все больше и больше людей поднималось на Форум. Какая-то женщина принялась громко звать потерявшегося ребенка, и Марк тяжело вздохнул. Ему хотелось, чтобы Цезарь стоял рядом и наблюдал, просто наблюдал, как бурлит Рим, объединившись у тела бога.

Всем желавшим взглянуть на него никак не могло хватить места. Солнце словно молотом било по непокрытым головам людей, стремившихся поближе разглядеть покойного. Жара нарастала с самой зари, когда тело Цезаря выставили на Форуме и сорок центурионов Десятого легиона встали вокруг

него. Цезарь лежал на золоченом ложе, которое в этот день стало центром мира.

Усилием воли Марк Антоний поднял голову. Он не спал две ночи и обильно потел. Жажда уже начинала становиться мучительной, но он не решался пить, чтобы малая нужда не заставила его покинуть Форум. Он намеревался только глотнуть вина перед выступлением, и раб стоял у его плеча с чашей и куском материи. Марк Антоний подготовился к выступлению и знал, что провала не будет. Он не смотрел на лицо своего друга. И так уже насмотрелся за то время, пока тело обмывали, а раны считали и перерисовывали чернилами и углем ученые врачи, чтобы потом доложить сенату. Теперь на ложе покоился всего лишь труп, а не тот человек, который согнул сенат в бараний рог, не тот, перед кем преклоняли колени цари и фараоны. Покачнувшись от внезапного головокружения, Марк Антоний крепко сжал правой рукой свитки. Пергамент захрустел и смялся. Марк понимал, что ему следовало поспать хотя бы несколько часов. Он не имел права свалиться без чувств, не мог выказать горе или ярость. Это могло его погубить.

Он не видел Освободителей, но знал, что все они здесь. Двадцать три человека вонзали кинжалы в его друга, многие уже после его смерти, словно присоединяясь к ритуалу. Взгляд Марка Антония становился ледяным, а спина выпрямлялась, когда он думал о них. Он долгие часы жалел о том, что его там не было, что он не знал о готовящемся

убийстве, но понимал, что все это пустое. Он не мог изменить прошлого, не мог вернуть ни единого ушедшего мгновения. И пусть он хотел выкрикнуть им в лицо все, что было у него на сердце, хотел призвать солдат, чтобы их растерзали в клочья, ему приходилось улыбаться и относиться к ним как к великим людям Рима. Во рту от этих мыслей появлялся привкус желчи. Они наблюдали за ним, ждали окончания похорон, ждали, пока горожане успокоятся, чтобы потом насладиться новыми должностями и властью, которые принесли им их кинжалы. От этой мысли Антоний заскрипел зубами. Он будто носил маску с того самого момента, как первые слухи достигли его ушей. Цезаря убили, а эти твякающие псы заседали в сенате. Ему пришлось собрать всю волю в кулак, чтобы скрыть омерзение. И все-таки он поступил правильно, предложив амнистию. У него едва повернулся язык, чтобы произнести эти слова, но, возможно, именно благодаря этому сенат согласился на торжественные похороны. У Освободителей эта идея вызвала разве что ухмылку. Они не сомневались в своей победе и новом раскладе сил.

– Тряпку и чашу! – рявкнул Марк Антоний.

Раб подошел, вытер пот с лица своего господина, а Антоний взял чашу и глотнул вина, чтобы смочить горло. Пришла пора обратиться к Риму. Он выпрямился во весь рост, позволив рабу поправить складки своей тоги. Одно плечо оставалось непокрытым тканью, и он чувствовал, как под мышкой холодеет пот. Шагнув из тени под яркие лучи солнца,

Марк прошел мимо центурионов, которые сурово смотрели на толпу. Четыре шага, и он в последний раз оказался на возвышении рядом с Юлием.

Толпа увидела консула, и шум разом стих. Они не хотели пропустить ни слова, и эта внезапная тишина едва не подкосила его решимость. Марк Антоний оглядел прекрасные постройки Форума. Из каждого окна торчали головы, и он задался вопросом, где сейчас Брут и Кассий. Они не могли пропустить момента своего триумфа, он в этом не сомневался. И консул начал, возвысив голос до крика:

– Граждане Рима! Я один из вас, консул этого города. И, однако, я говорю не только от себя, когда речь о Цезаре. Я говорю языком каждого гражданина. Сегодня я *говорю* за наших соотечественников, наших людей. Сенат издал закон о воздании почестей Цезарю, и, когда я буду называть его имена, вы услышите не мой голос, а свой.

Он повернулся к ростре, чтобы взглянуть на тело своего друга. На Форум пала мертвая тишина. Раны Цезаря скрывали туника и тога. Крови в теле уже не осталось, и Марк Антоний знал, что за дни, предшествующие похоронам, раны побледнели и затвердели. Живым оставался только венок из зеленого лавра, венчавший голову Цезаря.

– Он был Гаем Юлием Цезарем, сыном Гая Юлия и Аврелии, из Юлиев, род которых восходит к Энею из Трои, сыну Венеры. Он был консулом, и он был императором Рима. Он был отцом страны, и прежний месяц, квинтилий, пере-

именовали в его честь. Кроме всего прочего, ему поклонялись как богу. Все это говорит о том, как мы чтили Цезаря. Наш distinguished сенат постановил, что тело его останется нетронутым, под страхом смерти. И даровал неприкосновенность всем, кто был с ним в момент его смерти. По законам Рима тело Цезаря священно. К нему нельзя прикасаться. Храм его плоти должен остаться нетронутым, так повелевает наш закон!

Он помолчал, прислушиваясь к ропоту недовольства, прошепестившему над огромной толпой.

– Он не вырывал этих титулов силой из рук сената, из наших рук. Он даже не просил их, но они даровались ему, лились на него потоком, в благодарность за его службу Риму. Сегодня мы чтим его снова в вашем присутствии. Все вы свидетели чести Рима.

Один из центурионов неловко переступил с ноги на ногу, и Марк Антоний посмотрел вниз, а затем снова поднял глаза, встретившись взглядом с сотнями тех, кто стоял в толпе. В них он увидел злость и стыд, после чего кивнул, глубоко вдохнул и продолжил:

– По нашим законам, по нашей римской чести, мы дали клятву защищать Цезаря всей нашей мощью. Мы дали клятву, что те, кто не сможет его защитить, будут навеки прокляты.

Толпа застонала громче, словно все поняла, и Марк Антоний возвысил голос:

– О Юпитер и все боги, простите нас за нашу неудачу! Проявите милосердие к нам, не сдержавшим слова. Простите *нам всем* наши нарушенные клятвы.

Он посмотрел на тело своего друга. Потом его взгляд на мгновение метнулся к зданию сената. На ступенях стояли люди в белом, стояли и наблюдали за ним. Со ступеней открывался прекрасный вид и на тело, и на оратора, и Марк Антоний задался вопросом, наслаждаются ли они своим правом занимать столь выигрышные места. Также и в толпе многие обратили враждебные взгляды на стоявших перед зданием сената.

– Цезарь любил Рим. И Рим любил своего лучшего сына, но мы его не спасли, – продолжал Антоний. – Никто не будет мстить за его смерть, за все законы и за пустые обещания, не сумевшие удержать кинжалы. Закон – всего лишь желание людей, записанное и обретшее силу, без которой он – ничто.

Он выдержал паузу, чтобы дать им подумать, и толпа откликнулась, зашевелилась, сердца забились сильнее, кровь побежала быстрее. Они все ждали его слов. Еще один центурион взглянул на консула, и в этом взгляде читалось молчаливое предупреждение. Он попытался посмотреть в глаза Марку Антонию, но тот его проигнорировал.

– От вашего имени сенат объявил амнистию тем, кто называет себя Освободителями. От вашего имени закон должен выполняться. Тому порукой ваша честь. Это тоже священо, нерушимо, – провозгласил оратор.

Толпа зарычала, и Марк Антоний заколебался. Толпа могла сделать с ним и с центурионами, стоявшими вокруг возвышения, все, что угодно. Стоило ему перегнуть палку, чрезмерно распалить чувство вины или разозлить, и толпа проглотит его. Он шел по лезвию ножа, прекрасно отдавая себе отчет, на что способны разъяренные римляне. Вновь он посмотрел на сенаторов и увидел, что число их заметно уменьшилось, потому что они тоже прочувствовали настроения толпы и просчитали, на ком она может выместить свою злость. Марк Антоний улыбнулся, собравшись с духом и зная, что хотел бы от него Юлий. Он знал это с того самого момента, когда увидел Кассия и других заговорщиков, входящих в сенат с высоко поднятыми руками, чтобы показать всем, что на них кровь тирана. Он хотел, чтобы народ Рима осознал, что сделали эти люди. Чтобы увидел, что произошло.

Марк наклонился к центурионам и понизил голос, чтобы его услышал только тот, кто стоял ближе всех.

– Поднимись сюда. Встань рядом со мной.

Центуриона словно создали для подобных церемоний: ветеран не одной войны в безупречно начищенном доспехе. Тот ответил с неохотой: инстинкт самосохранения требовал не спускать глаз с толпы, подступившей очень уж близко.

– Консул... мой пост здесь... – начал он.

Антоний опустился на одно колено, и в его шепоте послышалась злость.

– Как ты и говоришь, *я римский консул*. Неужели Республика пала до такой степени, что даже римский офицер не исполняет приказ?

Центурион опустил голову, покраснев от стыда. Без единого слова он поднялся на возвышение, а другие центурионы чуть раздвинулись, чтобы закрыть образовавшуюся брешь.

Марк Антоний выпрямился во весь рост, так что его глаза оказались на уровне плюмажа центуриона. Посмотрел вниз.

– Под телом лежит восковая статуя, центурион. Достань ее. Подержи, чтобы все могли видеть.

У мужчины отпала челюсть. Он яростно замотал головой, потом все же ответил:

– Что? Какую ты затеял игру, консул? Пожалуйста, не надо. Закончи речь и позволь нам увести тебя.

– Как тебя зовут? – спросил Марк Антоний.

Центурион замялся. Прежде он сохранял анонимность, ничем не выделяясь среди таких же, как он. А тут вдруг его выдернули из общего ряда, и он понимал, что к добру это не приведет. Шумно сглотнув слюну, он поблагодарил своих личных богов, которые так его подставили.

– Центурион Оппий, консул, – ответил он неохотно.

– Понятно. Я буду говорить медленно и ясно, центурион Оппий. Повинуйся моим приказам, право отдавать которые принадлежит мне по закону. Выполняй принесенную тобой клятву верности Республике или сними шлем и передай трибуну своего легиона мое требование показать тебе, что такое

римская дисциплина, раз уж ты, похоже, про нее забыл.

Губы центуриона превратились в тонкую полоску. Глаза его злобно засверкали, но он коротко кивнул. Такое требование означало публичную порку утяжеленной плетью, а может, даже публичную казнь в назидание другим. Он повернулся и посмотрел на тело Цезаря.

– Он не будет возражать, – продолжил Марк Антоний, и его голос вдруг смягчился. – Он был моим другом.

– Я не знаю, что ты задумал, консул, но, если они бросятся на нас, в следующий раз мы увидимся только на том свете, – прорычал Оппий.

Антоний сжал кулак, но центурион уже низко наклонился и приподнял золотую ткань. Под телом Цезаря лежала статуя из белого воска в рост человека, одетая в пурпурную тогу с золотом по краю. Оппий в ужасе отпрянул. Черты лица скульптуры скопировали с лица Цезаря. Голову ее украсили лавровым венком.

– Что... это такое? – пробормотал он.

Марк вскинул руку, и Оппий поднял статую, на удивление тяжелую. Он даже пошатнулся под ее весом, но все-таки поставил рядом с собой.

Толпа гудела, не понимая, о чем говорят двое на возвышении. Потом она ахнула, увидев статую с белыми пустыми глазами, и разразилась криками.

– Консул! – обратился к Марку Антонию другой центурион, перекрывая шум. – Это надо прекратить. Спускайся, Оп-

пий. Они этого не потерпят.

– Молчать! – проревел Антоний, теряя терпение из-за глухости окружающих.

Толпа в ужасе затихла, и все взгляды скрестились на пародии на человека, статуи, которую держал Оппий.

– Позвольте мне показать вам, граждане Рима. Позвольте мне показать вам, чего стоит ваше слово!

Марк Антоний шагнул к статуе и вытащил из-за пояса серый железный клинок. Сдернув с плеча манекена пурпурную тогу, он обнажил его грудь и шею. Толпа вновь ахнула, но никто не мог отвести глаз от происходящего. Многие дрожавшими руками показывали знак рогов³, отгоняющий злых духов.

– Тиллий Цимбер держал Цезаря, когда Светоний Прандий нанес первый удар... *сюда!* – воскликнул Марк Антоний. Он указал левой рукой на плечо статуи и вонзил клинок под ключицу, так что передернуло даже солдат-ветеранов, стоявших в толпе. Сенаторы на лестнице замерли. У Светония раскрылся рот.

– Публий Сервилий Каска нанес резаную рану поверх первой. – И Антоний вновь полоснул по воску. Он уже вспотел, и его громкий голос прокатывался над толпой, эхом отражаясь от окружающих Форум зданий. – Его брат, Гай Каска, подступил к ним, когда Цезарь попытался отразить удары! Он вонзил свой кинжал... *сюда!*

³ *Знак рогов* (Sign of Horns) – поднятые кверху указательный палец и мизинец.

У здания сената братья Каска в ужасе переглянулись, а потом молча повернулись и поспешили покинуть Форум.

Обливающийся потом Марк освободил от ткани руки статуи и указал на правую.

— Луций Пелла нанес удар в правую руку, разрезал ее от плеча чуть ли не до локтя. — Марк Антоний вспорол воск, и толпа застонала. — Но Цезарь *продолжал бороться!* Он был левшой и поднял окровавленную правую руку, чтобы оттолкнуть их. Децим Юний ударил его, перерубил мышцу, и рука повисла. Цезарь звал на помощь тех, кто сидел на каменных скамьях театра Помпея. Он призвал к отмщению, но никто не пришел... и они продолжили начатое.

Толпа надвинулась, доведенная чуть ли не до безумия тем, что происходило у нее на глазах. Здравый смысл пропал, уступив место нарастающей ярости. Немногие из сенаторов остались стоять на лестнице перед зданием сената, и Марк Антоний увидел, как поворачивается Кассий, чтобы уйти.

— Тут Гай Кассий Лонгин ударил отца Рима, протянув свои тощие руки между руками других. — Марк Антоний нанес удар сквозь тогу, порвав ее. — Хлынула кровь, пропитав тогу Цезаря, но он продолжал бороться! Он был солдатом Рима, с сильной душой, а они продолжали и продолжали наносить удары! — Свои слова он сопровождал ударами клинка, пронзая воск и разрывая тогу.

Сделав паузу, консул тяжело вздохнул и покачал головой.

— Тут он увидел, что у него есть шанс выжить!

Он понизил голос, и шум толпы стих. Люди придвинулись еще ближе в ожидании дальнейших слов консула. Марк Антоний смотрел поверх голов, но его глаза видели другой день, другое место. Он узнал все подробности убийства из десятка источников, и случившее стало для него таким реальным, будто он сам при этом присутствовал.

– Он увидел, как вошел Марк Брут. Человек, с которым он бок о бок сражался половину своей жизни. Этот человек однажды предал его и присоединился к врагам Рима. Юлий Цезарь простил этого человека, хотя все остальные хотели его четвертовать. Цезарь увидел своего лучшего друга и на мгновение, пусть его и продолжали колоть и рубить, подумал, что он спасен. Подумал, что пришла помощь.

На глаза навернулись слезы. Марк Антоний смахнул их, чувствуя, как навалилась усталость. Но сказать осталось совсем немного.

– И тут он увидел, что в руке Брута такой же кинжал, как и у остальных. Сердце у него упало, и он перестал бороться, – объявил консул.

Остолбеневший центурион Оппий едва не выпустил из рук восковую скульптуру. Он дернулся, когда Марк Антоний протянул руку и набросил тогу на голову статуи, закрывая ее лицо.

– Больше Цезарь на них не смотрел. Он сидел недвижно, пока приближался Брут, а они продолжали колоть и резать его плоть.

Марк поднес клинок к сердцу. Многие в толпе уже плакали, и мужчины и женщины, выли от ужаса в ожидании последнего удара. Их стенания разносились по Форуму.

— Возможно, последний удар он и не почувствовал. Этого нам знать не дано! — выкрикнул Марк Антоний.

Силы ему хватало, и он вонзил клинок туда, где у человека находилась грудная клетка, вонзил его по самую рукоятку, проделав новую дыру в уже порванной во многих местах тоге. И оставил клинок в статуе на всеобщее обозрение.

— Положи на пол, Оппий, — скомандовал он, тяжело дыша. — Они увидели все, что я хотел им показать.

Все взгляды скрестились на восковой фигуре в изодранной тоге, которая лежала на возвышении. Обычные жители Рима по театрам не ходили. Там бывали только патриции. А тут им показали выдающееся представление. Форум облетел вздох, в котором слышались боль и облегчение.

Марк Антоний собрал медленно ворочающиеся мысли. Он давил на толпу, подзуживал ее, но полагал, что рассчитал все верно. Они уйдут в мрачном настроении, станут обсуждать увиденное. Они не забудут его друга и будут презирать Освободителей до конца своих дней.

— Подумать только, — вновь заговорил он, уже мягче. — Цезарь спас жизни многих из тех людей, которые были здесь, в театре Помпея, в мартовские иды. Многие обязаны ему своим богатством и должностью. И, однако, они убили его. Он стал первым в Риме, первым в мире, но это его не спасло.

Он вскинул голову, когда из толпы раздался крик:

– Почему они до сих пор живы?!

Марк Антоний открыл рот, чтобы ответить, но вместо него это сделали десятки голосов, проклиная убийц Цезаря. Консул поднял руки, призывая к спокойствию, но одинокий голос стал искрой в сухом лесу, и шум все нарастал – сотни и сотни рук указывали на здание сената, весь Форум вопил от ярости.

– Друзья, римляне, сограждане! – проорал Марк, но рев толпы проглотил даже его сильный голос. Те, кто стоял сзади, проталкивались вперед, и первые ряды уже напирали на центурионов.

– Стоять! – прорычал один из них и, оттолкнув наступающих людей, достал гладий. – Пора уходить. Ко мне, парни. Берем консула в круг и сохраняем спокойствие.

Но толпу не интересовало возвышение, на котором стоял консул. Она продвигалась к опустевшим ступеням здания сената.

– Подождите! – прокричал Антоний, отталкивая центуриона, который пытался увести его с возвышения вниз. – Они еще слушают меня. Дай договорить!

Камень, прилетевший ниоткуда, оставил вмятину на панцире центуриона, сбив его с ног. Толпа принялась выворачивать булыжники, которыми вымостили Форум. Центурион, которому досталось, лежал на спине, хватая ртом воздух, тогда как другие возились с кожаными ремнями, чтобы снять

с него броню.

– Слишком поздно, консул! – рывкнул Оппий. – Я лишь надеюсь, что ты добивался именно этого. Уходим. Или ты будешь стоять и смотреть, как нас всех убьют?

Полетели новые камни. Марк Антоний видел движение в толпе, бурлящей, словно кипящая вода. Тысячи разъяренных мужчин собрались на Форуме, и многим более слабым предстояло погибнуть под ногами толпы до того, как испарится ее злость. Консул выругался.

– И я того же мнения, – кивнул Оппий. – Но что сделано, то сделано.

– Я не могу оставить его тело, – в отчаянии воскликнул Марк. Он пригнулся, уклоняясь от камня, и увидел, как стремительно распространяется хаос. Толпу больше ничто не сдерживало, и Антоний внезапно ощутил страх: а вдруг затопчут и его?!

– Хорошо. Выводите меня отсюда, – согласился он.

Консул почувствовал запах дыма, и по его телу пробежала дрожь. Одни боги знали, какие он высвободил силы: он помнил прежние бунты и весь ужас, который они несли с собой. Уходя в плотном окружении центурионов, Марк Антоний оглянулся на тело Юлия, брошенное и одинокое. На возвышение уже карабкались люди, вооруженные ножами и палками.

Горький запах влажного пепла висел в воздухе по всему Риму. Марк Антоний, одетый в чистую тогу, ждал во дворике у Дома девственниц за храмом Весты. Но ему казалось, что запах горящего дерева, облепивший его, как туман, исходит от его одежды. Весь город пропах им, он проникал повсюду.

Внезапно потеряв терпение, Марк вскочил с мраморной скамьи и принялся кружить по дворику. Две весталки наблюдали за ним, столь уверенные в неприкосновенности, гарантированной их статусом, что даже присутствие римского консула не вызывало у них тревоги. Они посвятили жизнь богине, хотя и ходили слухи о том, что они творили на празднествах в честь Боны Деа⁴, опаивая мужчин вином и возбуждающими снадобьями, прежде чем убить их. Марк Антоний мрачно глянул на весталок, но те лишь улыбались и как ни в чем не бывало вели негромкую беседу, игнорируя этого наделенного властью мужчину.

Верховная жрица Весты точно рассчитала, насколько хватит терпения консула, потому что вышла к нему буквально за мгновение до того, как важный посетитель собрался

⁴ *Бона Деа* (Благая Богиня, часто Добрая богиня, иногда Фавна или Фавния) – в римской мифологии богиня плодородия, здоровья и невинности, богиня женщин.

уйти, или вызвать солдат, или сделать что-то еще, лишь бы не ждать, будто жалкий проситель. Он вновь присел, уставившись в никуда, восстанавливая перед мысленным взором ужасы предыдущих дня и ночи.

Женщину, которая подходила к нему, Антоний видел впервые. Он поднялся и чуть поклонился ей, пытаясь сдержать раздражение. Она была высокого роста и носила греческое платье, оставляющее открытыми ноги и одно плечо. Локны густых темно-медных волос облегали ее шею. Взгляд Антония опустился чуть ниже, и ему показалось, что он видит на белой материи крошечную капельку крови. По телу консула пробежала дрожь: не хотелось и думать, в каком ужасном ритуале участвовала весталка, пока он ждал.

На Форуме еще лежали мертвые тела, в нем еще кипела злость, но он нуждался в благоволении верховной жрицы и поэтому заставил себя улыбнуться, когда она заговорила.

– Консул, для нас твое появление – редкая радость. Меня зовут Квинтина Фабия, и я слышала, что твои люди прилагают все силы, чтобы навести на улицах порядок. Случившееся так ужасно...

Низкий голос и правильное произношение весталки укрепили его первое впечатление. Женщина принадлежала к роду Фабиев, благородной семьи, которая в любой год могла рассчитывать на верность десятка сенаторов. Вся жизнь Квинтины прошла среди власть имущих. Раздражение уже покидало Марка Антония.

– Надеюсь, у вас все было тихо? – спросил он.

– У нас есть охрана и другие способы защитить себя. Даже погромщики знают, что этот храм лучше обходить стороной. Какой мужчина посмеет нарваться на проклятие богини-девы и увидеть, как его достоинство становится бесполезным стручком?

Она улыбнулась, но консул по-прежнему ощущал запах мокрого пепла. Разговаривать не хотелось. Кроме того, его раздражало, что в храм ему пришлось прийти самому, хотя дел и так более чем хватало. Но его посыльных весталки просто разворачивали на входе.

– Я пришел за завещанием Цезаря, – сказал Марк. – Как я понимаю, оно хранится здесь. Если ты передашь его мне, я вернусь к своей работе. Солнце уже садится, а эта ночь может оказаться хуже предыдущей.

Квинтина покачала головой. Брови чуть сошлись над ее темно-кариими глазами.

– Консул, я готова сделать все, что в моей власти, чтобы помочь тебе, но не это. Последние волеизъявления людей хранятся у меня. Я не могу отдать их.

Марк Антоний пожал плечами, закипая гневом.

– Цезаря убили, женщина! – воскликнул он. – Его тело сожгли на Форуме вместе со зданием сената, так что в его смерти можно не сомневаться. Когда ты отдашь мне его завещание, если не сегодня? Весь город ждет его оглашения.

Его злость не произвела на жрицу никакого впечатления.

Она улыбнулась, глядя поверх его плеча на двух женщин, сидевших на соседней скамье. У Марка Антония возникло желание схватить ее и потрясти за плечи, чтобы вывести из летаргического сна. Полфору́ма уничтожено. Сенату пришлось собраться в театре Помпея, потому что здание, где заседал высший государственный орган, сожжено. А к нему все равно относятся как к слуге! Его массивные кулаки сжимались и разжимались.

– Консул, ты знаешь, почему основан этот храм? – мягко спросила Квинтина.

Антоний покачал головой. Его брови недоуменно приподнялись. Неужели она не понимает, что ему нужно?

– Его воздвигли, чтобы хранить в нем Палладу, статую Афины, которая когда-то была сердцем Трои, – проговорила весталка. – Богиня выражала свое благоволение Риму, а мы уже многие сотни лет ее хранительницы, ты это понимаешь? Мы видели бунты и беспорядки. Мы видели, как угроза нависала над стенами Рима. Мы наблюдали, как армия Спартака проходила мимо, и на наших глазах Гораций всего лишь с двумя солдатами защищал мост против целой армии.

– Я не... какое отношение имеет все это к завещанию Цезаря?

– Речь о том, что в этих стенах время течет медленно, консул. Наши традиции восходят к основанию города, и я не собираюсь менять их из-за нескольких мертвых погромщиков и консула, который думает, что может отдавать здесь

приказы!

Ее голос внезапно стал жестким, и Марк поднял руки, словно пытался успокоить разозлившуюся женщину.

– Очень хорошо, у вас традиции, – согласился он. – Тем не менее я должен получить завещание. Прикажи принести его мне.

– Нет, консул. – Жрица подняла руку, предупреждая его протесты. – Оно будет зачитано вслух на Форуме в последний день месяца. Тогда ты его и услышишь.

– Но... – Под ее взглядом Антоний замолчал, глубоко вдохнул. – Как скажешь, – процедил он сквозь зубы. – Я разочарован, что ты не ценишь возможности заручиться поддержкой консула.

– Они приходят и уходят, Марк Антоний, – ответила Квинтина. – А *мы* остаемся.

Глава 4

Октавиан Фурин проснулся поздним утром, чувствуя себя так, будто перепил плохого красного вина. Голова болела, желудок крутило, от слабости ему пришлось привалиться к стене и собираться с силами, пока Фидолий вел его лошадь. Он хотел вызвать рвоту, чтобы в голове прояснилось, но на пустой желудок это было невозможно. В голове лишь зашумело сильнее. Он знал, что надо вернуть кровь в конечности и изгнать стыд, который жег его огнем. Когда домашний раб

ушел за седлом, Октавиан принялся колотить по бедру кулаком, все сильнее и сильнее, пока перед глазами не начали вспыхивать звезды. Его слабая плоть! Он проявлял предельную осторожность после первого раза, говоря себе, что просто чем-то заразился в зловонном воздухе Египта. Тогда его люди нашли своего командира без сознания, но решили, что он напился до бесчувствия, и не увидели в этом ничего особенного, учитывая, что Цезарь с царицей Египта постоянно закатывали пиры, продвигаясь по Нилу.

Он чувствовал, как по ноге начинает расползаться синяк. От злости ему хотелось кричать. Его предало собственное тело! Юлий говорил ему, что тело – это всего лишь инструмент, который надобно тренировать и подчинять, как собаку или лошадь. И теперь его друзья находились рядом, когда он... отключился. Перед этим молодой воин пробормотал молитву богине Карне в надежде, что его мочевой пузырь не опорожнится во второй раз. Только не у них на виду.

– Пожалуйста, – шептал он покровительнице важнейших органов человеческого тела. – Что бы это ни было, освободи меня от него!

Октавиан проснулся чистым и накрытым одеялами, но воспоминания о прошлом вечере обрывались получением письма из Рима. Он не мог сжиться с новой реальностью. Его наставника и защитника убили в Риме, лишили жизни в, казалось бы, самом безопасном для него месте. Октавиан просто не мог в это поверить.

Фидолий вложил поводья ему в руку, озабоченно глядя на молодого человека, которого трясло под лучами утреннего солнца.

– Вы хорошо себя чувствуете, господин? – спросил он. – Если вы больны, я приведу из города врача.

– Перебрал спиртного, Фидолий, – ответил Октавиан.

Раб кивнул, сочувственно улыбнулся:

– Долго это не продлится. Утренний воздух прочистит вам голову. И Атрей сегодня чувствует свою силу. Он домчит до горизонта, если вы ему позволите.

– Спасибо. Мои друзья проснулись? – Гай Октавиан пристально наблюдал за Фидолием, чтобы понять, знает ли тот о его беспамятстве, но лицо раба сохраняло самое невинное выражение.

– Я слышал, как кто-то ходит. Позвать их, чтобы они присоединились к вам?

Октавиан с трудом уселся на лошадь и затрусил через двор. Фидолий поспешил за ним, чтобы взять поводья, но воин отмахнулся.

– Не сейчас. Я увижусь с ними, когда вернусь.

Он вдавил пятки в бока лошади, и Атрей рванул вперед, радуясь, что его выпустили из стойла, и предвкушая долгую скачку. Краем глаза Октавиан заметил движение в дверях и услышал, как Агриппа зовет его. Но оборачиваться и откликаться не стал. Топот копыт вполне мог заглушить голос, а встретиться лицом к лицу с другом молодой человек не ре-

шался. Пока не решался.

Лошадь и всадник быстро миновали ворота. Виспансий Агриппа побежал следом, протирая глаза, но через несколько шагов остановился и зевнул.

Во двор вышел Меценат, одетый в тунику, в которой спал.
– Ты позволил ему ускакать одному, – упрекнул он товарища.

Агриппа улыбнулся, видя, как растрепан римский патриций и как торчат во все стороны его смазанные маслом волосы.

– Пусть протрясется, – ответил он. – Если Октавиан болен, это пойдет ему на пользу. Одни только боги знают, что ему теперь делать.

Меценат заметил слугу, стоявшего наклонив голову.

– Приготовь моего коня, Фидолий, – приказал он. – И ломувую лошадь, которая вынуждена страдать под весом моего друга, – кивнул он на Агриппу.

Раб поспешил к конюшне, встреченный радостным ржанием стоявших в тени лошадей. Римляне переглянулись.

– Такое ощущение, что я заснул час тому назад. – Цильний потер щеки руками. – Ты думал о том, что тебе теперь делать?

Агриппа откашлялся:

– В отличие от тебя, я на службе. Я не решаю за себя сам. Вернусь во флот.

– Если ты потрудишься воспользоваться тем удивитель-

ным умом, который ты так ловко прячешь, то осознаешь, что у флота, собранного в Брундизии, больше нет цели. Цезарь мертв, Агриппа! Без него никакой кампании не будет. Боги, легионы Рима собраны там, но кто их поведет? Если ты вернешься, то тебе придется долгие месяцы болтаться без дела, потому что сенат про вас забудет. Поверь мне, я знаю этих людей. Теперь, когда их больше не накрывает тень Цезаря, они будут ссориться и спорить как дети, выхватывая друг у друга клочки власти и могущества. Пройдут годы, прежде чем легионы двинутся вновь, и ты это знаешь. Они хранили верность Цезарю, но не сенаторам, которые его убили.

– Октавиан сказал, что их амнистировали, – пробормотал Виспансий, переминаясь с ноги на ногу.

Меценат с горечью рассмеялся:

– А если бы они приняли закон, обязывающий нас всех жениться на своих сестрах, им бы подчинились? Честно говоря, меня с детства восхищала дисциплина в армии, но случаются времена, когда на доске происходит полная замена фигур, Агриппа! Сейчас тот самый момент. Если ты этого не видишь, тогда, возможно, тебе стоит сидеть среди тысяч матросов, писать донесения и наблюдать, как протухает вода, пока ты ждешь разрешения набрать свежей.

– А что собираешься делать ты? – сердито спросил моряк. – У меня нет патрицианской семьи, которая меня защитит. Если я не вернусь, рядом с моим именем появится пометка «в бегах», и кто-то где-то подпишет приказ, открыв

на меня охоту. Я иногда думаю, что ты всегда жил слишком хорошо, чтобы понимать других людей. У нас нет такой защиты, как у тебя!

Пока Агриппа говорил, лицо его покраснело. Меценат задумчиво кивал. Он чувствовал, что сейчас не следует еще сильнее злить друга, хотя его негодование всегда вызывало у молодого патриция желание улыбнуться.

– Ты прав. – Голос Мецената теперь звучал мягче. – Я состою в достаточно близком родстве с великими людьми, чтобы не бояться их. Но прав и я. Если ты вернешься в Брундиций, то будешь выковыривать червей из еды до того, как засвидетельствуешь восстановление порядка. Уж в этом ты можешь мне поверить.

Агриппа собрался ответить, и патриций знал, что речь пойдет о приличиях и чести. Его товарищ поднимался по службе исключительно благодаря своим заслугам, и иногда это проявлялось особенно явственно. Меценат заговорил до того, как услышал слова о верности присяге и прочие благоглупости.

– Прежний порядок умер с Цезарем, Агриппа. Ты говоришь о моем положении – прекрасно! Позволь мне воспользоваться им, чтобы прикрыть тебя хотя бы на несколько месяцев. Я напишу письма с просьбой разрешить тебе не являться на службу. Они уберегут тебя от публичной порки и сохранят твое звание, пока мы будем со всем этим разбираться! Подумай об этом, здоровяк! Ты нужен Октавиану.

По крайней мере, у тебя есть твой флот, твое звание! А что есть у него теперь, когда Цезаря не стало? Очень может быть, что сейчас сюда скачут люди, чтобы довершить начатое в Риме... – Он вдруг оборвал фразу на полуслове, и его глаза широко раскрылись. – Фидолий! Сюда, греческий горшок с дерьмом! Живо!

Раб уже вернулся с двумя лошадьми. Меценат выдернул поводья из его рук и запрыгнул в седло, поморщившись, когда холодная кожа с размаху соприкоснулась с его самым чувствительным местом.

– Меч! Принеси оружие! Бегом! – прикрикнул тот на слугу.

Агриппа вскочил на своего жеребца, когда Фидолий помчался через двор к дому. Его конь действительно заметно отличался от остальных: он был высоким, мощным, и его черная шерсть сверкала на утреннем солнце. Под весом Виспансия Агриппы животное шумно выдохнуло и попятилось. Всадник рассеянно похлопал жеребца по шее, обдумывая сказанное другом.

– Клянусь Марсом, лучше бы этим убийцам и правда быть тут, – пробурчал Меценат, разворачивая своего коня. – А то я через полмили буду весь в синяках.

Они услышали топот копыт, который с каждым мгновением становился все громче. Октавиан с бледным лицом влетел во двор. Он заметно удивился, увидев, что его друзья уже в седле, а Фидолий бежит через двор с мечами.

Взгляд Октавиана остановился на Меценате. Туника патриция задралась, из-под нее торчал голый зад.

– Что это ты делаешь? – спросил Октавиан.

Его друг собрался ответить резко, но понял, что выглядит для этого слишком нелепо.

– Разве ты не знаешь, что все молодые римляне отправляются на утреннюю прогулку именно в таком наряде? – съехидничал он. – Хотя, может, до провинций эта мода еще не докатилась...

Октавиан покачал головой. На лице не появилось и тени улыбки.

– Я вернулся, чтобы сказать, что вам надо собрать вещи. Мы отправляемся в Брундиций, – объявил он друзьям.

При этом слове Агриппа вскинул голову, но первым заговорил Меценат:

– Я только что объяснял этому проницательному матросу, почему нам надо ехать куда угодно, но только не в Брундиций. По крайней мере, до того времени, как в Риме не наведут какое-то подобие порядка. Там царит хаос, Октавиан. Поверь мне, каждая римская семья сейчас удваивает охрану, готовится к гражданской войне.

– Ты прав, – ответил Гай Октавиан. – Но тем же заняты и легионы в Брундиции.

– Тогда объясни мне, почему тебя туда несет.

Он увидел, как взгляд его товарища обратился куда-то внутрь, глаза затуманились, а голова поникла. Заговорил Ок-

тавиан после долгой паузы.

– Потому что люди там верны Цезарю... *моей* семье. Если остался кто-нибудь, кто хочет отомстить за его убийство, я найду их в лагере у моря. Вот почему я должен скакать туда.

– Ты понимаешь, что это могут быть те самые люди, которые не задумываясь убьют тебя? – мягко спросил Цильний Меценат.

Октавиан бросил на него короткий взгляд:

– Я должен с чего-то начинать. Не могу позволить им отмыть руки дочиста и продолжать жить, будто ничего и не случилось. Я *знал* его, Меценат. Он был... лучше этих твякающих римских псов, лучше любого из них. Он бы захотел, чтобы я вошел в их дома и обошелся с ними точно так же, как они обошлись с ним.

Агриппа кивнул, почесывая бороду:

– Он прав. Мы должны скакать в Брундизий. Здесь мы слишком далеко, чтобы что-то знать.

Меценат переводил взгляд с одного из них на другого, и в его глазах больше не поблескивали смешинки.

– Три человека? Против легионов Рима? – спросил он изумленно.

– Нет, не против, а *с ними*, – ответил Октавиан. – Я знаю этих людей, Меценат. Я служил с сотнями, нет, с тысячами из них. Они вспомнят меня. Я, по крайней мере, знаю их лучше, чем все эти старики в сенате.

– Ясно, – кивнул Цильний. – Это... приятно слышать.

Он посмотрел на Агриппу, ожидая, что тот подаст какой-то знак, подтверждающий его нежелание участвовать в этом безумии, но здоровяк не сводил глаз с Октавиана. Молодой человек, который сейчас легко спрыгнул с лошади и широкими шагами пересекал двор, произвел на него впечатление еще при их первой встрече, двумя годами раньше. И не тем, что был кровным родственником Цезаря или видел великие города Востока. Нет, дело было в другом: молодой римлянин мог разглядеть в лихорадочном мельтешении купцов, патрициев и солдат то, что действительно имело значение. Виспансий помнил его выступление на каком-то пиру. Октавиан говорил так хорошо и гладко, что его слушали даже пьяные. Он говорил о гордости, которую они должны испытывать за те достижения, что несли миру, но Агриппа слышал в его словах и другой подтекст: ответственность, при этом ложившаяся на тех, кто представлял Рим в дальних краях, и цена, которую приходилось платить этим людям. Он с восторгом впитывал в себя идеи, которые никогда в жизни не пришли бы в голову его отцу, гнавшемуся исключительно за прибылью.

Как-то раз напившийся патриций начал смеяться над Октавианом. Одним движением руки Агриппа сбросил его с балкона. Он улыбнулся, вспомнив насмешливое изумление, отразившееся на лице Октавиана, когда толпа устремилась мимо них обоих к упавшему. Этого хватило, чтобы завязалась дружба, хотя на том пиру они увиделись впервые. Они

пили и говорили до зари, и Агриппа возблагодарил своих богов за то, что послушался в тот вечер отца и пошел на пир. Следующим утром он не заключил новых сделок и не пошел искать богатых девиц, которые могли бы составить ему выгодную партию. Вместо этого он отправился в порт и завербовался на свою первую галеру. С того дня отец с ним не разговаривал.

Пятна пота проступили на тунике Гая Октавиана, а на удилах его коня Атрея появилась пена. Однако его приказы прозвучали ясно и четко, и вслед за Фидолием Виспансий Агриппа и Меценат направились к дому, чтобы собрать вещи.

– Ты не упомянул про болезнь, которая поразила его вчера вечером, – прошептал Агриппа.

Цильний повернулся к нему:

– Этого не было. А если было, он сам должен сказать нам об этом.

У дома патриций спешился и накинул поводья на столб, прежде чем войти и переодеться. Агриппа наблюдал за ним, но, только оставшись один, позволил себе улыбнуться. Он любил обоих друзей и этим удивлял сам себя, потому что обычно очень трудно сходилась с людьми. Но как можно было их не любить? Ведь даже Меценат, при всем его цинизме, собрался скакать на коне с голым задом, решив, что Октавиану угрожает опасность.

Агриппа глубоко вдохнул греческий воздух и медленно

выдохнул. Он ценил римский порядок, стабильность и предсказуемость армейской жизни. В детстве и юности ему довелось побывать в десятках различных городов, наблюдая, как отец заключал тысячи сделок. Флот спас его от скуки и подарил ему место, где он стал частью чего-то большого и нужного. Разговор о разразившемся хаосе безмерно его встревожил. Он надеялся, что Меценат ошибался, но в достаточной мере разобрался в ситуации, чтобы опасаться, что его высокогородный друг правильно предсказал будущее. Божественный Юлий ушел, и тысячи мелких людишек теперь бросаются заполнять оставленную им брешь. Агриппа понимал, что может стать свидетелем ужасного, увидеть, как Республику рвут на части такие, как его отец, готовые на все ради сиюминутной выгоды. Он спрыгнул на землю и повел могучими плечами, чувствуя, как хрустит шея. В такие времена человек должен выбирать друзей с осторожностью, или его снесет потоком событий.

Услышав, как Меценат отдает в доме приказы, он улыбнулся, цепляя поводья за столб, и вошел в дом. По крайней мере, пока его несло к Брундизию.

* * *

Марк Брут оглядывал город, подсвеченный пожарами. Желтые и красные сполохи напоминали болезнь, разъедающую здоровую кожу и распространяющуюся слишком быст-

ро, чтобы взять ее под контроль. Через окно в маленькую комнатку вливался теплый ветерок, но и он не радовал. Дом находился в парфюмерном районе к востоку от Форума, в миле от него. Три этажа высоко поднимались над землей, но Брут чувствовал запах уничтожения, которым Рим пропитался за три дня. Аромат душистых масел смешивался с запахом мокрого пепла, и Марку хотелось принять ванну, чтобы избавиться от этого запаха. Его тошнило от дыма и криков далеких стычек. Как только темнота окутывала город, погромщиков на улицах прибавлялось. Те, кто забаррикадировался в домах вместе с охраной, могли умереть от голода. Бедняки, как обычно, страдали больше других. Они гораздо чаще становились жертвами банд, в сравнении с теми, кто мог дать отпор.

Где-то поблизости проходил армейский отряд. Звук их шагов Брут отличал от любого другого. Легионы на Марсовом поле не взбунтовались, во всяком случае пока. Сенат торопливо издал указы о введении войск в город. Два легиона прибыли, но им пришлось шаг за шагом очищать улицы от разъяренных толп. Марк Брут потерял предплечье, в которое этим днем угодил брошенный кем-то кусок черепицы. Его охраняла целая центурия, но, когда они шли к его дому на Квиринальском холме, с крыши на них посыпался град камней и осколков. Интересно, думал Марк, его специально поджидали или просто теперь ему уже нигде не найти безопасного места?

От этого воспоминания у него сжались кулаки. На узких улицах можно победить целую центурию. В сенат поступали донесения о том, что на солдат нападали со всех сторон, что их забрасывали камнями с крыш, а в одном месте их облили маслом, подожгли, и люди сгорели заживо.

Под градом камней и черепицы генерал отдал приказ свернуть на боковую улицу. Они ушли, чтобы тут же вернуться по параллельным улицам, выбить двери и отрезать нападавшим пути отхода. Он помнил насмешливые крики и лица тех, кто с крыш наблюдал за каждым их шагом. И когда его люди добрались до домов, на которых сидели бунтовщики, то никого не нашли. Только участки выломанной черепицы и оскорбительные надписи напоминали о недавнем присутствии бунтовщиков. Брут отказался от попыток добраться до своего дома и вернулся в безопасный район, где улицы патрулировали тысячи легионеров.

– Я думаю, что ситуация ухудшается, хотя с Марсова поля прибывают все новые люди. – Голос старого Кассия вернул Марка в настоящее. Как и он, сенатор смотрел на город.

– Долго это продолжаться не может. – Марк Брут раздраженно махнул рукой.

Третий мужчина, находившийся в комнате, поднялся, чтобы наполнить чашу густым красным вином. Двое других повернулись на звук, и Луций Пелла приподнял седые брови в молчаливом вопросе. Кассий покачал головой. Брут кивнул, и Пелла наполнил вторую чашу.

– Они опьянены победой, а не вином. Если бы мы отстояли здание сената, все бы уже закончилось, но... – Пелла недовольно покачал головой. – Каменное здание не должно рушиться оттого, что внутри подожгли деревянные скамьи. Однако от жара одна стена треснула от основания до верха. Крыша рухнула вниз с такой силой, что практически потушила огонь.

– И что мне теперь делать, Луций? – спросил Гай Кассий. – Я привел легионы. Я получил разрешение сената убивать тех, кто нарушает комендантский час. Но погром продолжается... нет, он набирает силу. Мы отдали целые районы этим скотам с деревянными дубинами и железными прутьями. Миллион граждан и рабов не остановить несколькими тысячами солдат.

– Марк Антоний сегодня ходил к своему дому в сопровождении нескольких человек, – подал голос Брут. – Вы это слышали. Он их герой, своей речью воспламенивший толпу. Его они не трогают, а услышав мое имя, воют, как волчья стая. И твое тоже, Кассий, и твое, Пелла. – Он пересек комнату и выпил вино из чаши тремя большими глотками. – В родном городе мне приходится скрываться, как разыскиваемому преступнику, тогда как консул ведет себя словно *миротворец*. Клянусь богами, мне хочется... – Марк замолчал – его горло перехватило от ярости.

– Все пройдет, Брут. Ты сам это сказал. Ярость, разумеется, должна выплеснуться, но они успокоятся, как только

оголодают, – попытался успокоить его Луций.

– Оголодают? Их банды в первый же вечер разграбили зерновые склады. И охраны, чтобы остановить их, не было, так? Потому что все люди были на Форуме, боролись с пожарами. Ты знаешь, что братья Каска уже уехали?

– Знаю, – кивнул вместо Луция Кассий. – Они приходили ко мне, и я дал им охрану. У них поместье в нескольких сотнях миль к югу от Рима. Они переждут там.

Брут пристально смотрел на сенатора.

– Практически все люди, которые обагрили руки кровью вместе с нами, удрали, поджав хвост. Ты знаешь, что Децим Юний все еще пишет письма для зачитания на Форуме? Кто-то должен сказать ему, что его посыльных забивают до смерти. – Он помолчал, раздираемый злостью. – Ты, впрочем, еще здесь. Почему, Кассий? Почему ты не убежал в свои виноградники?

Сенатор невесело улыбнулся:

– По той же причине, что и ты, друг мой. И Пелла. Мы Освободители, ведь так? Если мы все будем искать безопасные места вне города, кто знает, что произойдет после нашего ухода? Должен ли я дать Марку Антонию власть, которой он жаждет? Рим будет у него в руках с того самого момента, как толпа перестанет убивать и жечь. Поэтому мне лучше оставаться здесь. Да и тебе тоже.

– Он это спланировал, как думаешь? – спросил Луций Пелла, наполняя чашу. – Он разъярил горожан этим прокля-

тым манекеном. Он наверняка знал, что за этим последует.

– Годом раньше я бы в это не поверил, – ответил генерал. – Я точно знал, что на такое Марк Антоний не способен. Когда он предложил проголосовать за амнистию, я подумал... Я подумал, что он признает новую реальность. Даже теперь я не считаю, что он предвидел погромы, которые последуют за его речью над телом Цезаря. И все же он не такой дурак, чтобы не схватиться за представившуюся ему возможность. Он – наша общая опасность.

Пелла пожал плечами. От выпитого вина у него покраснели щеки.

– Так убей его, – посоветовал он Марку. – Один лишний труп значения не имеет. Улицы завалены ими, и скоро последует эпидемия, я в этом уверен. А когда начнется чума, в Риме не останется ничего живого.

Чаша в его трясущейся руке звякнула о кувшин, и только тут Брут увидел, что Луций охвачен животным ужасом.

– Но со мной ничего такого не случится! – Пелла поднял чашу, салютуя своим собеседникам. Язык у него начал заплетаться. – Я убивал Цезаря не для того, чтобы умереть от рук пекарей и кожевников или выхаркивая легкие от болезни, которую подцеплю от трупов. Не это ты мне обещал, Кассий! Мы прячемся в темноте, словно воры и убийцы. Ты говорил, что нас будут превозносить!

– Успокойся, Пелла! – рявкнул Гай Кассий. – Помни о достоинстве. Негоже тебе оставлять разум на дне кувшина,

тем более сегодня. Если хочешь уехать из города, я тебе это устрою. На заре, если будет на то твое желание!

– А моя жена? Мои дети? Мои рабы? Я не могу оставить их на растерзание толпы!

Голос сенатора стал ледяным, в него прорвалась злость.

– Да ты, похоже, напуган, Пелла. Разумеется, ты можешь уехать с ними. Это Рим, и мы оба сенаторы. Большая часть погромов приходится на западную часть города. Тебя послушать, так все гораздо хуже. Максимум через двенадцать дней порядок полностью восстановится. Я пошлю за...

– Сначала ты говорил о трех днях, – прервал его Луций, слишком пьяный, чтобы заметить не сулящую ничего хорошего недовольство Кассия.

– А сейчас иди домой, – велел ему Кассий Лонгин. – Приготовь семью и собери вещи к отъезду. Так ты убережешь свое достоинство от новых унижений.

Пелла смотрел на него, собираясь с мыслями.

– Идти домой? – повторил он. – Улицы небезопасны. Ты сам говорил, что не следует выходить с наступлением темноты.

– Тем не менее ты принял решение. Иди домой с высоко поднятой головой, а если кто-нибудь остановит тебя, скажи, что ты сенатор. Я уверен, тебе дадут пройти.

Луций Пелла нервно покачал головой:

– Кассий, извини. Не следовало мне такого говорить. Это все вино. Я лучше останусь с тобой, по крайней мере до рас-

света. Я могу...

Он замолчал, потому что сенатор пересек комнату и распахнул дверь, которая вела на лестницу и на улицу. Крики и звуки драки, раздающиеся снаружи, сразу же стали громче.

– Иди домой. – На поясе Гая Кассия висел кинжал, и его рука легла на рукоятку.

Пелла смотрел на него, разинув рот. Потом он перевел взгляд на Брута, но не нашел поддержки.

– Пожалуйста, Кассий...

– Вон... *отсюда!* – рявкнул Кассий Лонгин.

Плечи Луция поникли, и, уходя, он не посмотрел ни на одного из мужчин. Кассий едва удержался, чтобы не захлопнуть дверь, едва его пьяный сообщник переступил порог.

– Как думаешь, доберется он до дому? – спросил Брут, повернувшись к открытому окну.

– Все в руках богов, – раздраженно ответил сенатор. – Я не мог больше терпеть его трусости.

Марк Брут собирался ответить, но вдалеке начал разгораться новый мощный пожар. Он выругался, и его друг подошел к нему.

– Это Квиринальский холм, так? – спросил Кассий. Он знал, что на том холме у Брута немало недвижимости, и в его голосе прозвучала озабоченность.

– Думаю, да. Они никогда не тронут поместье Цезаря. – Марк потерял шею, чувствуя навалившуюся усталость. – В темноте трудно определять расстояния. Утром узнаю, если на-

беру достаточно людей, которые не струсят пойти со мной туда. – Он говорил, стиснув зубы, и думал о жителях Рима, растаскивающих принадлежащие ему вещи. – Нам нужны эти легионы из Брундизия, Кассий! Еще тридцать тысяч человек разнесут эту толпу. Нам необходимо раздавить их, показать свою силу, которая заткнет им рты.

– Если бы я мог привести их, они бы уже были здесь. Но офицеры Цезаря не отвечают на послания сената. Когда все закончится, я прикажу казнить каждого десятого, сорву их орлов, переплавлю их в чаши для бедных, но сейчас я не могу заставить их стронуться с места.

Где-то на улице, неподалеку от дома, громко закричал мужчина. Сперва оба собеседника вздрогнули, услышав его вопль, но потом перестали обращать на него внимание.

– Я могу поехать к ним, – через какое-то время предложил генерал.

Кассий удивленно рассмеялся:

– В Брундизий? Тебя убьют, как только услышат твое имя. Ты думаешь, это я такой непопулярный, Брут? Твое имя в толпе скандируют громче всех, когда призывают отомстить за Цезаря.

Марк выдохнул. Его трясло от бессильной злости.

– Может, тогда пора уходить? – спросил он. – Пусть твой сенат назначит меня наместником какой-нибудь дальней провинции. Я еще не видел тех благ, которые ты мне обещал, пока не видел... – Он замолчал, не желая ни о чем

просить Кассия. Однако Брут не занимал никакого поста и не мог похвастаться личным богатством. Его средства подходили к концу, и он задавался вопросом, а может ли патриций Гай Кассий понять его трудности. – Цезарь смеялся бы над нами, если б увидел, что мы прячемся от этих людей.

Сенатор смотрел в ночь. Пожар на Квиринальском холме распространялся с невероятной скоростью. Уже горели сотни домов, разгоняя темноту и заливая ночь красным светом. К утру на улицах останутся тысячи почерневших тел, а дальше – Пелла был совершенно прав! – последует болезнь, которая будет подниматься от мертвой плоти и проникать в легкие здоровых людей. В горле у Кассия что-то булькнуло, и Брут повернулся к нему, пытаясь прочесть выражение его лица.

– Легионы есть и в Малой Азии, – наконец заговорил Гай Кассий. – Я думал о том, чтобы поехать туда представителем сената. Наши восточные земли требуют защиты от здешнего хаоса. Возможно, через год-другой Сирия позволит нам забыть об этих кровавых днях.

Брут задумался, но потом покачал головой. Он помнил жару и странности жизни в Египте и не имел ни малейшего желания возвращаться в ту часть света.

– Только не Сирия, во всяком случае не для меня. Я никогда не бывал в Афинах, хотя в молодости много времени провел в Греции.

Кассий махнул рукой:

– Значит, будешь проконсулом в Греции. Решено. Я подготавливаю все необходимые бумаги и пропуска. Клянусь богами, я не хотел, чтобы все так обернулось. Не стал бы свергать одного тирана, чтобы его место тут же занял бы Марк Антоний. Это не человек, а змея.

– Пока мы здесь, бунт будет продолжаться, – отчеканил Марк Брут. – Они *охотятся* за мной, эти банды грязных рабов, вышибают двери, повсюду ищут меня.

– Это пройдет. Я помню последние бунты. Тогда здание сената тоже сожгли, но постепенно безумие сошло на нет.

– Главари умерли, Кассий, поэтому прежние бунты и закончились. Вчера мне пришлось дважды менять дом, чтобы они не смогли отловить меня. – Брут зарычал, не в силах сдерживать ярость. – Было бы куда лучше, если бы Марка Антония убили в первый же день. А теперь он ходит, где ему вздумается, всего лишь с несколькими охранниками. За ним не охотятся, он верный друг Цезаря!

Снаружи что-то с грохотом рухнуло, и мужчины нервно обернулись на дверь, будто она внезапно распахнулась и в комнату полезла дикая римская толпа. Неподалеку закричала женщина, но крик ее резко оборвался, словно ей заткнули рот.

– Похоже, мы недооценили Марка Антония, во всяком случае его способность к выживанию, – ответил Гай Кассий прежде всего для того, чтобы разогнать повисшую тишину. – Я бы тоже только порадовался, если бы Марк Антоний стал

еще одной трагической жертвой погромщиков, но сейчас он слишком осторожен... да еще его так любят. Есть у меня несколько человек, но в такой ситуации они, скорее, пойдут к нему и расскажут о заговоре, вместо того чтобы исполнить поручение.

Брут фыркнул. На улице опять что-то обрушилось и раздались новые крики, хотя сообщникам показалось, что кричали уже дальше от дома, в котором они находились.

– Пиши бумаги, – устало вздохнул генерал. – Я могу провести год или два, управляя Афинами. Когда эта вонь выветрится из Рима, мы увидимся вновь.

– Можешь в этом не сомневаться, друг мой. Мы прошли слишком долгий путь, чтобы теперь увидеть, как наши труды идут прахом.

Глава 5

Брундизий гудел как растревоженный улей. Солдаты и горожане ни минуты не сидели без дела, в помине не было расслабленности жизни, привычной в столице. В портовом городе все куда-то спешили, перевозя припасы для флота и легионов: бочки с водой, железные гвозди, канаты, парусину, засоленное мясо и тысячи других ценных товаров. Получив разрешение войти в гавань уже чуть ли не в полдень, корабль наконец-то миновал массивные ворота, которые каждое утро открывали команды взмокших рабов.

Когда торговое судно приблизилось к пристани на расстояние двух-трех локтей, матросы бросили канаты на причал, чтобы местные служители подтянули его вплотную, привязав к массивным железным стойкам. С корабля на пристань перекинули широкий деревянный трап. Октавиан и Агриппа прошли по нему первыми, а Меценат остался, чтобы расплатиться с капитаном и проследить за выгрузкой лошадей. Подошли с десяток рабочих, подъехали две пустые телеги, на которые начали переносить доставленные судном ящики и сундуки. Мужчины, купившие право выгрузки на этом участке пристани, теперь брали за это высокую плату. К тому времени, когда лошади покинули корабль, даже Меценат жаловался на продажность и алчность служителей порта, обчистивших его чуть ли не до нитки.

– Места в конюшне не найти не только в городе, но и в тридцати милях от него, – сообщил он друзьям, когда присоединился к ним. – Местные служители говорят, что здесь шесть легионов и офицеры заняли все таверны. Это упрощает поиск человека, с которым ты знаком, Октавиан, зато на поиски жилья понадобится время. Дай мне полдня.

Октавиан Фурин неуверенно кивнул. Он собирался получить аудиенцию у старшего офицера в Брундизии, но, увидев царящий здесь хаос, засомневался в реальности своих планов. С таким количеством солдат и офицеров население города увеличилось в четыре раза, и помощь Мецената требовалась ему, как никогда. Его друг уже нанял гонцов, чтобы те

разносили его письма, и они умчались в лабиринт улиц. Не сомневался Октавиан и в том, что до заката у них появится пристанище.

– Какое у вас дело в Брундизии? – раздался голос у него за спиной. – В любом случае вы не можете оставить вещи здесь – это, знаете ли, блокирует пристань. Скажите вашему капитану, чтобы отчаливал. Еще два корабля ждут разгрузки.

Октавиан повернулся и увидел лысого мужчину в форме оптия⁵, невысокого и крепкого, с мечом у бедра, которого сопровождали два писаря в туниках.

– Мы ищем носильщиков, – ответил молодой человек. – Но сейчас мне нужно знать имя командующего в Брундизии, чтобы устроить с ним встречу.

Офицер сухо улыбнулся и провел рукой по своему блестящему черепу, стирая пот.

– Я могу назвать как минимум семь человек, подпадающих под твоё описание, – сказал он. – Но увидеться с ними ты сможешь, если получится, через несколько недель, не раньше. При условии, что ты не сенатор. Или ты все-таки сенатор? Очень уж молодо ты для этого выглядишь! – И он улыбнулся собственной шутке.

Октавиан глубоко вдохнул, чувствуя закипающую злость. Когда он находился рядом с Цезарем, вопросов ему не задавали. Он взглянул на улыбающегося оптия и осознал, что

⁵ *Оптий* (Optio) – помощник центуриона, заменявший его в бою в случае ранения.

не должен злить этого человека или угрожать ему. Тем более что он не мог назвать своего настоящего имени, не зная, объявлена ли на него охота.

— У меня... донесение к старшему офицеру в этом городе, — ответил он.

— И при этом ты не знаешь его имени! — кивнул оптий. — Уж извини, что у меня возникают сомнения... — Он видел раздражение Гая Октавиана и пожал плечами, но по его лицу и манерам не чувствовалось, что он злится. — Значит, так, юноша! Просто убери вещи с моей пристани. Мне все равно куда, главное, чтобы я их не видел. Понятно? Я могу связать тебя с человеком, у которого неподалеку склад.

— Мне нужно повидаться с генералом, — гнул свое молодой приезжий. — Или с трибуном.

Оптий смотрел на него молча. Октавиан закатил глаза.

— Меценат? — позвал он своего практичного друга.

— Держи, — откликнулся тот. Сунув руку в кошель, он достал два сестерция. С ловкостью, свидетельствующей о долгой практике, оптий взял монеты и, не взглянув на них, потер друг о друга, после чего они исчезли.

— Я не могу устроить встречу с легатом, юноша, — обратился он к друзьям уже менее высокомерным тоном. — В последние дни, с тех пор как из Рима пришли новости, они ни с кем не встречаются.

Он замолчал, но лица молодых людей подсказали ему, что они уже в курсе.

– Но ты можешь попытаться счастья в таверне на пятой улице. – Оптий взглянул на солнце. – Трибун Либурний обедает там после полудня. Ты еще успеешь застать его там, но, предупреждаю, он не любит, когда прерывают его трапезу.

– Он толстый? – небрежно спросил Меценат. – Любит поесть?

Местный житель бросил на него быстрый взгляд и покачал головой:

– Нет, я хочу сказать, что он важный человек, который не любит дураков. – Он взял Октавиана за руку и отвел в сторону. – Я бы не стал брать с собой этого. – Он кивнул в сторону Цильния Мецената. – Дружеский совет. Избытком терпения Либурний не отличается.

– Я понял. Огромное спасибо, – процедил Октавиан сквозь стиснутые зубы.

– Пустяки. А теперь убирайте свои вещи с моей пристани, а не то я прикажу сбросить их в море.

* * *

На пятой улице оказалось три таверны, и на проверку первых двух друзья потеряли еще час. Агриппа, Октавиан и Меценат ехали на лошадях, за ними следовали груженная телега, носильщики и дюжина беспризорников, рассчитывающих на монетку. Когда хозяин таверны увидел такую кавалькаду, направляющуюся в сторону его заведения, он перебросил по-

лотенце через плечо и вышел на улицу, широко раскинув руки и покачивая большой головой.

– Комнат нет, извините. Попробуйте обратиться в «Чайку», это в трех улицах отсюда.

– Не нужна мне комната! – рывкнул Гай Октавиан, спрыгивая с лошади и бросая поводья Агриппе. – Я ищу трибуна Либурния. Он здесь?

Хозяин вскинул подбородок, недовольный тоном человека, который был в два раза моложе.

– Не могу сказать. Свободных мест все равно нет, – резко ответил он и повернулся, чтобы вернуться в таверну, но тут Октавиан вышел из себя. Протянув руку, он отшвырнул мужчину к стене и подступил к нему вплотную. Хозяин таверны побагровел, но тут же почувствовал холод кинжала у своей шеи и замер.

– Я здесь одно только утро и уже устал от этого города, – прорычал Октавиан Фурин ему в ухо. – Трибун захочет увидеть меня. Он в твоей таверне или нет?

– Если я крикну, его охранники тебя убьют, – прохрипел тот.

За спиной Октавиана Агриппа спешил и положил руку на рукоятку гладия. Все эти хождения по городу раздражали его не меньше, чем его нетерпеливого друга, и вдобавок до его носа долетали с кухни дразнящие запахи стряпни.

Глаза владельца таверны медленно прошлись по здоровяку, и он сразу сбавил тон.

– Ладно, ладно, это ни к чему, – с трудом выговорил он, показывая глазами на клинок у своего горла. – Но я не могу беспокоить трибуна. Такими клиентами не бросаются.

Октавиан отошел на шаг, сунул кинжал в ножны и снял с пальца золотой перстень с гербом рода Юлиев, подарок Цезаря.

– Покажи ему это. Он меня примет, – сказал он хозяину таверны.

Тот взял перстень, потер шею там, где в нее упирался кинжал, посмотрел на стоявших перед ним рассерженных молодых людей и, решив больше ничего не говорить, исчез в сумраке обеденного зала.

Ждали приезжие долго, терзаемые жаждой и голодом. Сопровождавшие их носильщики уселись на телегу или на большие сундуки, сложили руки на груди и о чем-то переговаривались. Задержка их не смущала, поскольку они знали, что в конце концов им заплатят.

Жизнь вокруг кипела. Похоже, Брундизий никогда не знал покоя. Двое гонцов, отправленных утром, сумели отыскать своих нанимателей и получили от Мецената несколько монет в обмен на письмо с новостями от его друга, который сообщал о пустующем доме в восточной, богатой, половине города.

– Пойду в таверну. – Октавиан потерял терпение. – Хотя бы для того, чтобы вернуть перстень. Клянусь богами, никогда не думал, что это так трудно – поговорить с кем-то из

власть имущих.

Агриппа и Меценат быстро переглянулись. Они знали мир лучше своего друга. Отец Виспансия Агриппы брал с собой сына, когда шел в дома влиятельных людей, чтобы показать, как давать взятки и пробиваться к цели сквозь заслоны прислуги. А Цильний Меценат, наоборот, нанимал людей, которые отсеивали многих и многих желающих повидаться с ним.

– Я пойду с тобой. – Моряк покрутил головой. – Меценат может остаться и приглядеть за лошадьми.

По правде говоря, ни один из друзей молодого патриция не хотел, чтобы он оказался рядом с римским трибуном. Такой человек мог приказать их казнить, если бы счел, что его достоинство оскорблено даже в самой малой степени. Меценат пожал плечами, и они вошли в таверну, на несколько секунд остановившись, чтобы привыкнуть к царящему в ней полумраку.

Хозяин сидел за стойкой. Он не заговорил с ними, а лицо кривилось в усмешке. Октавиан уже направился к нему, но Агриппа коснулся его плеча и мотнул головой в сторону стола, который стоял в глубине зала, подальше от жары и пыли улицы.

За ним сидели двое мужчин в темно-синих, почти черных тогах. Они ели копченое мясо и вареные овощи, наклонившись над столом и о чем-то оживленно беседуя. Два охранника-легионера стояли между столом и общим залом, доста-

точно далеко от обедающих, чтобы не слышать их слов.

Октавиан приободрился при виде траурных одежд. Если эти люди показывали, что скорбят о Цезаре, возможно, он мог им довериться. Однако они не вернули его перстень. Поэтому приближался он к их столу с опаской.

На стуле одного из мужчин, подтянутого, загорелого и практически лысого, если не считать полосы седых волос около ушей, висел плащ трибуна. Панциря он не носил – только тунику, оставляющую руки голыми. Вырез на груди открывал седые волосы. Гай Октавиан увидел все это прежде, чем один из охранников вытянул руку, останавливая его. Двое мужчин за столом продолжали разговор, даже не посмотрев в сторону молодых людей.

– Мне надо поговорить с трибуном Либурнием, – заявил Октавиан.

– Нет, не надо, – ответил легионер тихим голосом, чтобы его слова не нарушили покой сидящих за столом. – Незачем тебе беспокоить больших людей. Обратись в казармы Четвертого Железного легиона. Там тебя кто-нибудь выслушает. А теперь проваливай.

Октавиан Фурин застыл. Злость, казалось, сочилась из каждой поры его кожи. Но на охранника это впечатление не произвело, хотя он и бросил взгляд на Агриппу, чьи габариты требовали быстрой оценки. Тем не менее легионер сухо улыбнулся и покачал головой.

– Где казармы? – наконец спросил Октавиан. Он знал, что

его имя может обеспечить нужную ему аудиенцию, но с тем же успехом его могли и арестовать.

– В трех милях к западу или около того, – ответил легионер. – Спроси по пути любого. Ты их найдешь.

Солдат не получал удовольствия оттого, что разворачивал их. Не вызывало сомнений, что он всего лишь выполнял полученный приказ: никого не подпускать к трибуну. Наверняка многие хотели обратиться к тому с какой-либо просьбой. Октавиан с трудом контролировал злость. Его планы спотыкались на каждом шагу, но и смерть в грязной таверне не могла принести никакой пользы.

– Тогда я заберу свой перстень и пойду своим путем.

Легионер не ответил, и Гай Октавиан повторил свои слова. Разговор за столом тем временем прекратился: оба мужчины сосредоточенно жевали мясо, определенно ожидая его ухода. Молодой человек сжал кулаки. Оба охранника теперь смотрели на него. Тот, что говорил с ним, вновь медленно покачал головой, молча отговаривая его от неверного шага.

– Сейчас вернусь, – коротко бросил Октавиан. Он повернулся и направился к хозяину таверны, который нервно наблюдал за происходящим. Агриппа двинулся следом, с хрустом разминая пальцы.

– Ты передал перстень? – спросил Октавиан у хозяина, чье лицо оставалось бесстрастным. Он вытирал чаши и ставил их на полку, а потом бросил короткий взгляд на трибуну и его охранников и решил, что с ними он в полной безопасно-

сти.

– Какой перстень? – спросил владелец таверны.

Молодой человек резво вытянул левую руку, ухватив его за затылок. Тот на мгновение замер, и тут же правой рукой Октавиан врезал ему в нос. Мужчину отбросило на полку с глиняными чашами, которые посыпались на пол, разбиваясь вдребезги.

Один из охранников, ругаясь, бросился через обеденный зал, но Октавиан Фурин уже перепрыгнул через стойку. Хозяин наугад махнул рукой и угодил в лицо Октавиана, за что получил еще два крепких удара и сполз на пол. Октавиан обыскал карманы его фартука, нащупал перстень и вытащил его в тот самый момент, когда охранники подскочили к нему, выхватив мечи. Один из них уперся ладонью в грудь Агриппы, подняв меч и нацелив острие ему в шею. Виспансий мог только поднять руки и пятиться. Одно слово трибуна, и они оба умрут.

Другой охранник перегнулся через стойку, рукой обхватил шею Октавиана и потащил к себе. Со сдавленным криком молодой человек перевалился через стойку, и они оба рухнули на пол.

Гай Октавиан боролся, но рука противника все сильнее сжимала ему шею, перекрывая доступ воздуха, и его лицо начало лиловеть. Он крепко держал в руке перстень, но перед глазами все поплыло, и он не услышал сухого голоса подошедшего к ним трибуна.

– Отпусти его, Гракх, – приказал Либурний, вытирая рот льняной салфеткой.

Охранник отпустил, но перед этим крепко врезал своей жертве по почкам. На полу Октавиан стонал от боли, но поднял руку с зажатым двумя пальцами перстнем. Однако трибун на перстень даже не посмотрел.

– Двадцать плетей за драку в общественном месте, – распорядился он. – И еще двадцать за то, что испортил мне обед. Тебя не затруднит, Гракх? Воспользуйся уличным местом для порки.

– С превеликим удовольствием. – Гракх тяжело дышал после схватки. Когда он положил руку на плечо Октавиана, тот вскочил, до такой степени разъяренный, что едва мог сообщать.

– У меня украли перстень, и ты называешь это римской справедливостью? – выкрикнул он. – По-твоему, мне следовало позволить этому толстяку украсть подарок самого Цезаря?

– Покажи мне перстень, – ответил трибун, лоб которого внезапно прорезала морщина.

– Нет, незачем, – отрезал Гай Октавиан. Агриппа вытаращился на него, но молодого воина трясло от ярости. – Ты не тот человек, с которым я хотел увидеться. Теперь мне это понятно. Пусть меня лучше высекут.

Трибун Либурний вздохнул:

– Ох уж мне эти молодые петушки!.. Гракх? Если не воз-

ражаешь.

Октавиан почувствовал, как его руку стиснули, а пальцы разжимают. Перстень взлетел в воздух, и трибун поймал его, поднес к глазам и всмотрелся в печатку. Его брови приподнялись, когда он разглядел ее в сумраке таверны.

– Месяц назад этот перстень открыл бы тебе все двери, молодой человек, – произнес он. – Но теперь он только вызывает вопросы. Кто ты такой и как к тебе попал этот перстень?

Октавиан упрямо стиснул зубы, но Агриппа решил, что с игрой в молчанку надо заканчивать.

– Его зовут Гай Октавиан Фурин, он родственник Цезаря, – объявил силач. – Это правда.

Трибун глубоко задумался, переваривая информацию.

– Я уверен, что слышал это имя, – кивнул он. – А ты кто?

– Марк Виспансий Агриппа. Центурион-капитан флота.

– Понятно. Что ж, перстень Цезаря обеспечивает вам место за моим столом как минимум на час. Вы уже ели?

Агриппа покачал головой, изумленный столь разительной переменой.

– Я закажу для вас, когда хозяин таверны очнется. Гракх? Окати его ведром помоев... а потом проводи с ним минуточку-другую, объясни, что воровство наказуемо. Если тебе не трудно. А мне завтра придется искать другую таверну.

– Будет исполнено! – гаркнул легионер. Он уже отдышался и удовлетворенно глянул на хозяина таверны, все еще ле-

жащего на полу без чувств.

– Пойдемте. – Либурний указал на свой стол, за которым сидел его собеседник. – Приглашение вы получили. Надеюсь, не пожалеете, приняв его.

* * *

Трибун Либурний положил перстень на стол перед Октавианом и Агриппой, когда те пододвинули стулья. Своего собеседника он не представил, и Гай Октавиан подумал, что это какой-нибудь проситель или шпион.

Трибун обернулся на шум выплеснутой из ведра грязной воды, за которым из-за стойки последовал слабый вскрик.

– Я уверен, вино принесут через минуту-другую. – Он протянул руку, вновь взял перстень и покрутил его. – В эти дни такая маленькая штучка опасна. Интересно, ты это понимаешь?

– Начинаю понимать, – ответил Октавиан, прикоснувшись рукой к наливающемуся на правой щеке синяку.

– Ха! Я не про воров. Куда более серьезная опасность исходит от тех, кто даже сейчас пытается удержать контроль над Римом. Мы-то в Брундизии. Будь моя воля, мы бы остались здесь до восстановления порядка. Однако Греция еще дальше, так что, возможно, для тебя все это новости?

Октавиан моргнул.

– Как ты узнал, что я попал сюда из Греции? – заинтере-

совался он.

К его удивлению, Либурний рассмеялся, определенно довольный собой.

– Клянусь богами, ты действительно молод. Если честно, ты напоминаешь мне о моей молодости. Неужели ты думаешь, что можешь прибыть в этот порт, сорить серебряными монетами, спрашивать о встрече с начальниками, а мне об этом не доложить? Я готов поспорить, что твое описание есть сейчас у всех доносчиков этого города, хотя, возможно, твоего имени они не знают... пока не знают.

Октавиан Фурин быстро взглянул на по-прежнему молчаливого собеседника трибуна. Мужчина почувствовал его взгляд, улыбнулся, но голову не поднял.

– Твое присутствие для меня проблема, Октавиан. Я, разумеется, могу отправить тебя в цепях в Рим, чтобы какой-нибудь сенатор разобрался с тобой, когда сочтет нужным, но этим я заработаю лишь его благоволение и, может, несколько золотых монет, а ради такой мелочи не стоит и напрягаться, – заявил Либурний.

– Понятие «верность» для тебя не существует? – спросил его центурион. – Четвертый Железный сформировал лично Цезарь. Ты наверняка знал его.

Трибун Либурний задумчиво покусывал нижнюю губу.

– Я знал его, да. Но не могу сказать, что мы были друзьями. У таких, как Цезарь, думаю, друзей мало, все больше сторонники. – Трибун забарабанил пальцами по столу. Его

глаза не отрывались от лица Октавиана.

Хозяин таверны принес вино. Выглядел он жалко: лицо опухло, один глаз заплыл, а в волосах запуталась какая-то зелень. Не глядя на Гая Октавиана, он осторожно поставил на стол кувшин и чаши и ушел, прихрамывая. Легионер Гракх занял прежнюю позицию, лицом к залу.

– И все-таки... – мягко продолжил Либурний. – Воля Юлия Цезаря не оглашена. У него есть сын от египетской царицы, но говорят, что и тебя он любил как сына. Кто знает, чем одарит тебя Цезарь в завещании. Возможно, мы сможем прийти к соглашению, выгодному для нас обоих.

Пальцы трибуна вновь забарабанили по столу, а его прежний собеседник разлил вино. Октавиан и Агриппа переглянулись, но оба понимали, что пока могут только помалкивать.

– Я думаю... да, я могу подготовить документы. Десятая часть всего, что ты унаследуешь, за мое время и средства, которые позволят тебе добраться до Рима, и мою поддержку в сохранении наследства. И разумеется, за то, что ты остаешься живым и невыпоротым. Пожмем друг другу руки, чтобы скрепить сделку? Тебе понадобится перстень, чтобы приложить его к соглашению, так что можешь его забрать.

Октавиан вытаращился на своего высокопоставленного собеседника, но после короткого колебания протянул руку, взял перстень и надел его на палец.

– Он никогда не был твоим, чтобы ты возвращал его мне, –

заявил он холодно. — Десятая часть! Надо быть безумцем, чтобы согласиться на такое, особенно до того, как я узнаю, сколь много стоит на кону. Ответ — нет. У меня достаточно денег, чтобы добраться до Рима самому. И достаточно друзей, чтобы выступить против убийц Цезаря.

— Ясно. — Либурния, похоже, забавляла злость молодого человека. Капли вина пролились на старый стол, и теперь трибун рисовал на них пальцем круги, пребывая в глубокой задумчивости. Он покачал головой, и Октавиан схватился за край стола, чтобы при необходимости перевернуть его и бежать.

— Я думаю, ты не понимаешь, каким опасным стал для тебя Рим, Октавиан. Как, по-твоему, отреагируют Освободители, когда ты въедешь в город? А если ворвешься в здание сената, чего-то требуя, словно имеешь право быть услышанным? Я даю тебе полдня, прежде чем ты обнаружишь, что у тебя перерезано горло. Пожалуй, даже меньше. Люди, которым принадлежит власть, не хотят, чтобы какой-то родственник Цезаря вывел на улицу толпу. Они не хотят, чтобы кто-то предъявил права на богатства, которые в противном случае, так или иначе, попали бы к ним в руки. Между прочим, ты собираешься перевернуть стол? Думаешь, я слепой или дурак? Мои охранники изрубят тебя до того, как ты встанешь. — Он печально покачал головой, дивясь опрометчивости молодых. — Мое предложение — лучшее из тех, которые ты можешь получить сегодня. По крайней мере, со

мною ты доживешь до оглашения завещания.

Октавиан убрал руки со стола. Теперь пришел его черед задуматься. Трибун представлял собой реальную угрозу, и он понимал, что ему не выйти из таверны без потерь. Молодой человек спросил себя, как бы поступил на его месте Юлий. Либурний пристально наблюдал за ним, и улыбка чуть приподняла уголки рта трибуна.

– Я не отдам ни мое наследство, ни какую-то его часть, – отчеканил Октавиан. Трибун уже поднял глаза на охранников, чтобы отдать приказ, но центурион быстро добавил: – Я присутствовал при переговорах Цезаря и Клеопатры с египетским двором. Я могу предложить тебе больше, чем золото, в обмен на твою поддержку. Ты можешь принести мне пользу, не буду этого отрицать. Поэтому я и пытался в первую очередь отыскать тебя.

– Продолжай, – ответил Либурний. Глаза его смотрели холодно, но улыбка осталась.

– Я видел, как Цезарь оказывал услуги, которые люди ценили больше, чем монеты. Я приложу этот перстень к соглашению, в котором тебе будет предложена одна услуга, какую ты пожелаешь, в любой момент моей жизни, – предложил Октавиан Фурин.

Либурний моргнул и расхохотался, ударил по столу ладонью. Затем, чуть успокоившись, он вытер слезы, побежавшие из глаз, продолжая смеяться.

– С тобой не соскучишься, юноша. Как же ты меня пове-

селил! – с трудом выговорил он. – Да еще в такой унылый день. У меня сын твоего возраста. Мне бы хотелось, чтобы у него были такие друзья, как ты. Правда. Но он читает мне греческих философов, можешь ты такое себе представить? На что меня хватает, так это не начать плевать от услышанного.

Отсмеявшись, Либурний наклонился вперед, и от его веселья не осталось и следа.

– Но ты не Цезарь, – продолжил он. – И судя по тому, как обстоят дела в Риме, никто не поставит и серебряной монеты на то, что ты проживешь год. Твое предложение не стоит и ломаного гроша. Я, конечно, аплодирую твоей храбрости, но давай подведем черту под этой игрой.

Октавиан тоже наклонился вперед и заговорил тихо, но уверенно:

– Я не Цезарь, но он *любил* меня как сына, и во мне течет кровь его семьи. Прими мое предложение, и однажды, когда удача повернется спиной к тебе или к твоему сыну, возможно, мое обещание окажется самым ценным из того, что у тебя тогда останется.

Трибун быстро сложил фигу, отгоняя даже мысль о злой судьбе. Он нацелил большой палец, всунутый между указательным и средним, на Октавиана, а потом разнял пальцы, и его рука вернулась на стол.

– С твоим обещанием и десятью тысячами золотом я хотя бы получу десять тысяч золотом, – пробормотал он.

Октавиан пожал плечами:

– Я не могу обещать то, чего у меня нет.

– Поэтому я и попросил у тебя десятую часть, парень. Ты не можешь отказаться от такой договоренности.

Гай Октавиан понимал, что надо соглашаться, но упрямство удерживало его. Он сложил руки на груди.

– Я сказал все, что мог. Прими мою услугу, и придет день, когда она спасет тебе жизнь. Если ты помнишь Цезаря, подумай, чего бы он от тебя ждал. – Молодой человек посмотрел в потолок таверны. – Он умер от рук людей, которые сейчас живут припеваючи. Если он видит нас сейчас, что он скажет? Ты оказываешь мне уважение или относишься с презрением?

Он ждал ответа, а Либурний в мертвой тишине барабанил пальцами по столу. На мгновение взгляд трибуна устремился вверх, словно он вдруг подумал, что Юлий действительно наблюдает за ними.

– Я не могу решить – то ли ты не понимаешь... то ли тебя не волнует, сохранишь ли ты жизнь, – наконец заговорил он. – Я встречал таких, как ты, в основном молодых офицеров, которые не задумывались о том, что они смертны. Некоторые поднялись высоко, но большинство давно погибли, пав жертвами собственной самоуверенности. Ты понимаешь, что я тебе говорю?

– Да. Поставь на меня, трибун. Я не из тех, кого легко свалить.

Либурний шумно выдохнул:

– Чтобы тебя свалили, тебе сначала надо подняться. – Он наконец принял решение. – Очень хорошо. Гракх? Добудь мне пергамент, тростинку и чернила. Я хочу скрепить эту жалкую сделку печатью в присутствии свидетелей.

Октавиан прекрасно понимал, что теперь лучше ничего не говорить. Из всех сил он пытался изгнать из глаз торжествующий блеск.

– Когда мы с этим покончим, я обеспечу твой проезд в Рим. Завещание будет оглашено через восемь дней, то есть времени добраться туда тебе хватит – если ехать на хороших лошадях. Уверен, ты не станешь возражать, если Гракх поедет с тобой, чтобы обеспечивать твою безопасность. На дорогах хватает бандитов, а я хочу одним из первых узнать, что оставил Цезарь своему городу и своим людям.

Гай Октавиан кивнул. Он молча наблюдал, как Либурний опускает полую тростинку с заостренным концом в чернила и уверенно пишет. Хозяин таверны принес свечу, трибун растопил воск, большая капля упала на сухой пергамент, растеклась, и центурион вжал печатку в мягкую поверхность. Оба охранника поставили по кресту, около которых Либурний написал их имена. Сделка свершилась.

Трибун расслабленно откинулся на спинку стула.

– Еще вина, Гракх, – попросил он. – Знаешь, юноша, когда ты будешь в моем возрасте, если тебе повезет прожить так долго, и цвет, вкус и даже честолюбие потеряют для тебя ту

яркость, которые ты пока находишь естественными... Тогда я надеюсь, что ты встретишь молодого петушка, такого, как ты сейчас... и увидишь то, что вижу я. Надеюсь, тогда ты меня вспомнишь, но до того дня тебе не понять.

Новый кувшин появился на столе. Либурний наполнил чаши до краев.

– Выпей со мной, юноша. Выпей за Рим и восхитительную глупость.

Не отводя взгляда, Октавиан поднял чашу и осушил быстрыми глотками.

Глава 6

Первые лучи солнца показались над Эсквилинским и Виминальским холмами, позолотив крыши вокруг Форума и освещая Палантинский холм. Круглый храм Весты сверкал вместе со всеми постройками, оживая после темной ночи. Ни древнего здания, ни гораздо большего по размерам Дома девственниц не коснулись пожары, бушевавшие в городе. Только священное пламя горело в очаге храма, а банды погромщиков держались подальше, опасаясь гнева богини, и показывали фигу или рога, чтобы отогнать ее проклятье.

Марк Антоний знал, что хорошо смотрится, пересекая Форум. Тем более в сопровождении шести ликторов с традиционными топорами и прутами для публичной порки. Сопровождали его и два центуриона в сверкающей броне и

длинных темных плащах, обвивающих лодыжки. Консул Рима пришел, чтобы услышать завещание Цезаря, и пусть здание сената превратилось в закопченные руины, Антоний по-прежнему представлял власть. Он чувствовал на себе взгляды собирающейся толпы, но точно знал, что опасность ему не грозила, во всяком случае в этот день. Он понимал, что многие наверняка участвовали в погромах, может, лишь несколькими часами раньше, но солнце на заре еще не жарило, и в воздухе витало ощущение перемирия. Весь город хотел услышать последние слова Цезаря, обращенные к его народу.

Марк Антоний подошел к круглому храму и остановился напротив дверей, откуда виднелся мерцающий в очаге огонь. Его люди встали вокруг, чувствуя, что от толпы не исходит никакой угрозы. Консул огляделся в поисках оставшихся в городе Освободителей – и не увидел ни одного. Шпионы докладывали ему обо всем происходящем каждый день, и он знал, кто уже покинул город, чтобы спасти собственную шкуру.

Лицо его оставалось суровым, хотя отсутствие убийц Юлия являлось еще одним свидетельством того, что все преступления и погромы более всего сыграли ему на руку. Брут и Кассий не решались показываться на улицах и не могли даже надеяться вернуть власть над Римом. Он одержал блестящую победу. Несомненно, в толпе находились их соглядатаи, готовые доложить о каждом произнесенном им слове, но от-

существование самих организаторов убийства говорило о многом, и Марк Антоний знал, что это заметили и другие люди. Месяцем раньше он и мечтать не мог о таком дне. Цезарь был жив, и в мире все шло по заведенному порядку, без малейших отклонений. Освободители изменили мир своими кинжалами, но именно Антоний сумел воспользоваться этими изменениями. Он поднимался все выше и выше, тогда как они катились в царство Аида.

Более рослый, чем большинство собравшихся, Марк посмотрел вверх голов. Немалая часть Форума еще пустовала, но все-таки уже собралось тысячи три мужчин и женщин, а по улицам шли все новые и новые горожане и рабы. В большей части города порядок более или менее удалось восстановить: Антоний приложил к этому руку. Ворота вновь открылись, и возобновился подвоз продовольствия – правда, цены резко взлетели. У каждой пекарни и мясной лавки выстраивались очереди, хотя булочники и мясники работали ночами, выпекая хлеб и нарубая мясо. На всех еды не хватало. Консулу пришлось расставить патрули на многих перекрестках, чтобы пресекать разгоравшиеся драки. Теперь, когда основными врагами стали голод и болезнь, бунтарская энергия быстро шла на убыль. И никто не знал, сколь много трупов уплыло по Тибру в море.

Взгляд Антония сместился на группу из четырех мужчин, которые стояли справа от него, все вооруженные и, очевидно, пришедшие вместе, поскольку они переговаривались

тихими голосами. Двое показались консулу знакомыми, стройными фигурами, в отличие от здоровяка с широкими плечами, стоявшего рядом с ними, но имен их Марк Антоний вспомнить не мог. В толпе сотни людей считали Цезаря своим благодетелем, обязанные ему как состоянием, так и должностью и ежемесячно получавшие небольшие деньги за его поддержку. Их общее число исчислялось тысячами. Бедные и богатые, они все хотели знать, вспомнил ли о них патрон в своем завещании.

Марк продолжал оглядываться, обращая особое внимание на тех, кто стоял с покрытой головой. Среди них он узнавал сенаторов, прибывших в сопровождении выделенных им легионеров или наемников, которых подрядили специально на этот день. Толпа росла вместе с яркостью солнечного света. От рассветной прохлады не осталось и следа, Антоний улавливал запахи пота и пряностей, расплывающиеся в теплом воздухе. Над городом висело чистое весеннее небо, и можно было не сомневаться, что их ждал очередной обжигающе жаркий день. Марк Антоний нетерпеливо переступил с ноги на ногу, ожидая появления верховной жрицы.

Толпа замерла, услышав пение, доносившееся из Дома девственниц, и многие поднялись на цыпочки, чтобы увидеть весталок. Марк Антоний подавил улыбку, глядя на этих людей, лучше других зная, как любят в этом городе пышные зрелища. Весталки надели на пальцы и запястья маленькие кимвалы и стучали ими при каждом шаге, так что эти

нестройные звуки заглушали их голоса. Консул наблюдал, как весталки выстроились перед храмом, а песня, достигнув пика громкости, разом оборвалась полной тишиной. К сожалению, весталки вышли в длинных одеяниях, скрывавших все тело. Верховная жрица хоть что-то да показала, когда он приходил в храм, и Антоний мысленно улыбнулся тому пылкому юноше, который еще жил в глубине его души. Каждую из этих женщин выбирали в служительницы Весты за красоту, но они давали обет безбрачия на тридцать лет и лишь потом могли покинуть храм. Глядя на некоторые лица, Марк Антоний не мог отделаться от мысли, что эти женщины могли бы осчастливить своих мужчин.

Он ждал, пока возносились благодарности Минерве и Весте, вздыхая оттого, что солнце припекало все сильнее. Прошла, наверное, вечность, прежде чем они принесли из храма деревянную платформу, обтянутую темно-красной материей. Квинтина Фабия поднялась на нее и встретила взглядом с Марком Антонием, возможно вспомнив, что он не так давно тоже обращался к Риму. Эффект той речи весталки могли видеть вокруг. В глазах верховной жрицы консул увидел холодное веселье, но его интересовал только резной, из кедрового дерева, ларец, который она вынесла из храма, закрытый и запечатанный. Две женщины с молотками сшибли с него державку и печать, после чего откинули крышку. Из ларца достали стопку восковых табличек, скрепленных полосками свинца и печатью Цезаря. По телу Антония пробе-

жала дрожь, когда он подумал, что до этого дня последней к завещанию прикасалась рука его друга.

Женщины передали таблички верховной жрице, и она воспользовалась ножом, чтобы отлепить воск и показать всем, что печать не тронута. Очень осторожно Квинтина отогнула свинцовые полоски и передала их весталкам. У нее остались пять деревянных табличек, покрытых тонким слоем воска. Марк Антоний не видел слов, начертанных на них, но наклонился вперед, как и все остальные. Очень ему хотелось узнать, что написал Цезарь.

Не обращая внимания на нетерпение толпы, Фабия протянула четыре таблички весталкам, а первую прочитала про себя, кивнув в самом конце. Закончив, главная весталка оглядела толпу.

– Во имя Рима, послушайте завещание Гая Юлия Цезаря, – начала она, а затем выдержала долгую паузу, и Марк Антоний внутренне застонал от всей этой театральности.

– Ну же, – пробормотал он.

Жрица посмотрела на консула, словно услышала его слова, и лишь после этого продолжила:

– Мой наследник – Гай Октавиан Фурин. Я признаю в нем кровь от моей крови и этими словами усыновляю его.

Толпа застонала, и Марк увидел, как разом напряглись и начали изумленно переглядываться четверо мужчин, на которых он чуть раньше обратил внимание. Человек, написавший завещание, всегда отдавал предпочтение простым

словам, без витиеватости и лишней риторики. Но при этом Цезарь выразил свою последнюю волю до возвращения из Египта, а возможно, даже еще до того, как покинул Рим и сразился с Помпеем в Греции. Тогда он не мог знать, что египетская царица забеременеет от него и родит наследника. Марк Антоний медленно выдохнул, обдумывая ситуацию. Конечно, куда как лучше иметь в главных наследниках иностранного щенка, который никогда не приедет в Рим и не станет оспаривать то, что по праву принадлежит ему. Консул встречался с Гаем Октавианом несколькими годами раньше, но тогда тот был мальчишкой, и Антоний не мог вспомнить его лица. Он поднял голову, когда верховная жрица продолжила:

– Все, что принадлежит мне, теперь его, за исключением тех денег и недвижимости, которые указаны ниже. Среди них первое – садовое поместье у реки Тибр. Это мой первый подарок гражданам Рима, на веки вечные, чтобы они пользовались им как общественной землей.

Под изумленный рокот толпы она положила первую табличку и взяла две другие. Ее брови изумленно поднялись, когда она читала текст про себя, прежде чем огласить его.

– Помимо места для прогулок под солнцем, я даю каждому гражданину Рима триста сестерциев из моего наследства, чтобы потратить по своему усмотрению. Я жил ради них. И не могу сделать для них меньше в смерти, – прочитала Квинтина.

На этот раз толпа восторженно заревела. Триста серебряных монет – огромная сумма – могли многие месяцы кормить семью. Марк Антоний потер лоб и попытался прикинуть общую сумму. Согласно последней переписи, в Риме жило чуть ли не миллион человек, пусть граждане и составляли только половину из них. Сухо отметив, что погромы определенно уменьшили количество граждан, он все же вынужден был признать, что их осталось больше чем достаточно. И они будут требовать свою долю, толпясь у сокровищниц, которые контролировались сенатом. Цезарь не мог этого знать, но таким простым маневром он нанес Освободителям смертельный удар. Такая щедрость приводила к тому, что на улицах их встречали бы исключительно криком «Убийцы!». Антоний закрыл глаза, отдавая должное своему другу. Даже после смерти Юлий знал, как сразить врага.

Квинтина Фабия продолжила зачитывать завещание, перечисляя суммы, оставленные клиентам⁶ Цезаря. Многие требовали тишины, потому что хотели услышать, кому и сколько досталось, но соседи не обращали на них никакого внимания, продолжая обсуждать главную новость. *«Те, кто захочет ознакомиться с завещанием более детально, потом смогут зайти в храм Весты»*, – подумал Марк Антоний и, вспомнив прием, оказанный ему верховной жрицей, пожелал им удачи.

⁶ *Клиент* (cliens) – в Древнем Риме свободный гражданин, отдавшийся под покровительство патрона и находящийся от него в зависимости.

Весталка дочитала последнюю из пяти табличек, в которой золото распределялось между близкими родственниками и друзьями Юлия. Неожиданно Марк Антоний услышал свое имя и взревел, требуя, чтобы все вокруг замолчали. Его мощный голос достиг успеха там, где провалились другие.

— ...которому я даю пятьдесят тысяч ауреев. Я даю такую же сумму Марку Бруту. Они были и есть мои друзья.

Консул почувствовал скрестившиеся на нем взгляды. Он не мог скрыть изумления, услышав, что Бруту дарована такая же сумма. Антоний активно тратил золото, как того требовали образ жизни консула и его собственные клиенты, которых тоже хватало. И хотя должность приносила ему хорошие деньги, они едва покрывали его долги. Он покачал головой, ощущая благоговение тех, кто сейчас смотрел на него, но при этом горечь не уходила. Пятьдесят тысяч — не так много для человека, который поднял толпу на отмщение Цезаря. И конечно, Брут не заслуживал и одного аурея.

— Остальная моя собственность принадлежит Гаю Октавиану, моему приемному сыну в роду Юлиев. Я оставляю Рим в ваших руках, — дочитав завещание, Квинтина Фабия замолчала и протянула последнюю табличку весталкам. Марка Антония удивили слезы, блесевшие в ее глазах. Она же произнесла не что-то возвышенное, она всего лишь огласила посмертные желания Цезаря. Если на то пошло, это было завещание человека, который не верил в свою смерть. При этой мысли и у него защипало глаза. Юлий оставил за-

вещание в храме до того, как покинул Рим, а случилось это в тот год, когда он назначил Марка Антония городским претором, доверяя ему как себе. Перед консулом словно открылось окно в прошлое, в другой Рим.

Когда верховная жрица сошла с платформы, Марк отвернулся, а охранники окружили его, двигаясь одновременно с ним и легко разрезая толпу. Они не понимали, почему он так зол. Позади раздался чей-то громкий и ясный голос. Едва до Антония донеслось первое произнесенное слово, он остановился и обернулся, чтобы услышать все остальное. Его люди встали спиной к нему, чтобы отразить любую внешнюю угрозу.

* * *

Гай Октавиан очень хорошо помнил Марка Антония. Консул особо и не изменился за прошедшие годы, тогда как Октавиан из мальчишки превратился в молодого человека. Когда Антоний с рассветом прибыл к храму Весты, первым его присутствие заметил Меценат. Широкоплечий Агриппа встал между ними, надеясь, что толпа скоро спрячет Октавиана. В городе они находились уже третий день, проскакав триста миль от Брундизия. Им пришлось часто менять лошадей, и с каждым разом они становились только хуже. Меценат договорился о присмотре за их лошадьми, которых они оставили в том месте, где сменили их в первый раз, но в

тот момент никто из друзей не мог знать, вернутся ли они в Брундивий.

Легионер Гракх оказался не самым приятным спутником. Понимая, что его лишь терпят, он практически не разговаривал с тройкой молодых людей, но держался рядом, когда они скакали верхом, или что-то планировали, или падали без сил на жесткие кровати в первой попавшейся гостинице, которую могли найти после захода солнца. Деньги на проезд он получил от трибуна, и частенько спать ему приходилось в конюшне, экономя монеты, тогда как Меценат всегда заказывал лучшие комнаты.

Октавиан не знал, стоило ли им так быстро скакать, чтобы прибыть в Рим за два дня до оглашения завещания. Мир и порядок, знакомые ему, изменились разительным образом. Друг Цильния Мецената, который предложил им свой дом, рассказал, что худшее уже позади и все начинает успокаиваться, но целые районы города выгорели дотла, и теперь мрачные горожане бродили по пепелищам в надежде найти что-то ценное. Десятки тысяч голодали, в поисках еды по улицам бродили целые банды. Не раз и не два Гай Октавиан и его друзья вытаскивали мечи только с тем, чтобы проехать по каким-то улочкам, ставшим смертельно опасными даже при свете дня. Город выглядел так, будто по нему прокатилась война, и Октавиан едва мог сопоставить реальность с воспоминаниями. В каком-то смысле это соотносилось со скорбью по Юлию: окружающий пейзаж словно указывал, что с Це-

зарем ушел целый мир.

– Вот она наконец, – пробормотал себе под нос Агриппа.

Октавиан Фурин вырвался из своих мыслей, когда верховная жрица вышла из храма Весты. Он оглядел толпу в поисках знакомых лиц. Окажись здесь Брут, Октавиан не знал, что бы он сделал, но человека, смерти которого центурион желал больше всего, он не обнаружил. Проведенного в Риме времени хватило, чтобы выяснить подробности покушения, и Гая Октавиана сжигала ярость при мысли об этих Освободителях, которые рассчитывали на прибыль, убивая хорошего человека. В тишине собственных мыслей, в тени храма Весты, он клялся отомстить. Нынешнее состояние города стало жатвой посеянных ими семян, результатом их жадности и зависти. Он не знал, что сила могла родиться из ненависти, не знал, пока вновь не увидел Рим.

Когда верховная жрица достала из ларца завещание Цезаря – таблички, сцепленные свинцовыми полосками, – Октавиан продолжал оглядывать толпу. Некоторые лица он узнал: это вроде бы были сенаторы, но плащи с капюшоном и мантии, которые те надели, чтобы уберечься от ночного холода, мешали их разглядеть. Да и стоял он далековато от них.

Агриппа ткнул его локтем, возвращая внимание к верховной жрице. Она уже читала про себя первую табличку, и на лбу у нее появилась морщинка. А когда весталка подняла голову, она словно бы посмотрела прямо на Октавиана. Тот ждал с гулко бьющимся в груди сердцем, с пересохшими гу-

бами. Ему даже пришлось провести по ним языком, из опасения, что иначе они треснут.

– Во имя Рима, выслушайте завещание Гая Юлия Цезаря, – начала женщина.

Октавиан сжал кулаки, едва выдерживая напряжение. Он почувствовал, что Гракх смотрит на него, но каменное лицо легионера полностью скрывало его мысли.

– Мой наследник – Гай Октавиан Фурин. Я признаю в нем кровь от моей крови и этими словами усыновляю его.

Молодой человек почувствовал, как по его телу пробежала дрожь, и покачнулся. Он мог и упасть, но Агриппа поддержал его. Слышал он теперь только гулкие и частые удары сердца, а когда у него зачесалось лицо, Гай Октавиан чуть не содрал в этом месте кожу, на которой теперь пылало красное пятно. Оставшаяся часть завещания прошла мимо него, он только видел, как верховная жрица Весты отдавала весталкам прочитанные таблички. В какой-то момент в толпе радостно закричала женщина, но Октавиан даже не понял почему. От эмоций онемело все его тело: рука Цезаря протянулась сквозь время и коснулась его.

Лицо Гракха стало мрачнее тучи, когда он прикинул, сколько денег получил бы его патрон, если бы договорился с Октавианом на десятую часть наследства Цезаря. Ходили легенды о том, сколько золота Юлий привез из своих походов. В какой-то момент оно лилось таким потоком, что деньги подешевели на треть. Теперь Октавиана объявили наслед-

ником всех этих сокровищ, и Гракх тут же решил, что пора проявлять больше дружелюбия в общении с неожиданно разбогатевшим молодым человеком. Он не сомневался, что в будущем уже никогда не окажется рядом с таким богачом. Вскинув руку, он собрался шлепнуть Октавиана по плечу, но Меценат схватил его за запястье и улыбнулся ему.

– Нельзя устраивать представление, во всяком случае здесь, – прошептал он. – В этой толпе нас никто не знает. И пусть так и будет, пока мы все это не обдумаем.

Гракх кисло улыбнулся и кивнул, вырвав руку из пальцев молодого человека, которые сжимали ее с удивительной силой. Он ни разу не видел, как Цильний Меценат упражнялся с мечом во время их путешествия из Брундизия в Рим, и сейчас не заметил ни кинжала в другой руке патриция, ни того, что Агриппа оказался позади него, готовый уложить на землю ударом кулака при первых признаках желания напасть на Октавиана.

Перечень тех, кому Цезарь что-то завещал, казался бесконечным. Гая Октавиана перекосило, когда он услышал имя Брута и завещанную ему громадную сумму. В завещании не упоминались Клеопатра и сын, которого она родила Юлию. Все друзья Мецената знали, что она покинула Рим сразу после убийства и, скорее всего, направилась в Египет.

– Остальная моя собственность принадлежит Гаю Октавиану, моему приемному сыну в роду Юлиев. Я оставляю Рим в ваших руках.

Октавиан чувствовал, как щиплет глаза. Ему не составило труда представить себе Юлия, сидящего в какой-то тихой комнате и пишущего на воске, глядя в будущее. Наверное, в тысячный раз после того, как он получил страшную весть, молодой человек подумал: «Как бы все было хорошо, будь Цезарь жив!» Но он тут же изгнал из головы эту мысль. Пути назад не было, ему предстояло жить уже в новом Риме.

Верховная жрица отдала последнюю табличку и проследила, чтобы ее аккуратно уложили в ларец. Одна из весталок протянула ей руку, и она сошла с платформы, сделав все, что положено. Октавиан Фурин огляделся. В толпе уже начали обсуждать услышанное. Марк Антоний и его люди повернулись и зашагали прочь.

– Пора и нам, – шепнул Меценат на ухо Октавиану. – Этим вечером нам лучше воспользоваться домом Бруцелла. Погромы обошли его стороной, и он обещает вкусно нас накормить. Надо многое обсудить.

Октавиан почувствовал руку друга на своем плече, мягко уводящего его от храма Весты. Он не поддался, ему вдруг надоело оставаться неузнанным в родном городе.

– Жрица! – крикнул он неожиданно для друзей.

Цильний замер.

– Что ты делаешь? – прошипел он. – У половины сенаторов тут шпионы. Сейчас надо уходить, а потом мы сможем решить, что делать дальше.

Наследник Цезаря покачал головой.

– Жрица! – позвал он вновь.

Квинтина Фабия застыла, уже собравшись взять красную мантию, которую протягивала ей одна из весталок. Оглянувшись, она нашла Октавиана глазами по обращенным на него взглядам зевак.

– Я Гай Октавиан, названный наследником в только что зачитанном тобой завещании! – выкрикнул молодой человек.

Меценат застонал, держа кинжал наготове, на случай, что кто-то из толпы бросится на них. Они еще не знали своих врагов.

– Чего ты хочешь от меня? – спросила главная весталка. По слухам, в молодости она была актрисой. Никто не знал, правда это или нет, но артистического чутья верховной жрице хватало. Не обращая внимания на поданную ей мантию, она вновь поднялась на низкую платформу.

– Я хочу, чтобы ты, как хранительница архивов, записала изменение моего имени, – продолжал центурион.

Верховная жрица склонила голову, словно задумавшись. Молодой человек, который обращался к ней из толпы, только что стал обладателем невероятного состояния, – вернее, он мог им стать, если бы прожил достаточно долго, чтобы оно попало ему в руки. Она искоса глянула на Марка Антония, пристально наблюдавшего за происходящим. Сначала весталка собиралась сказать Октавиану, чтобы он подождал, пока у нее найдется время, но под злобным взглядом консу-

ла у нее дрогнул уголок рта.

– Какое имя подойдет наследнику Рима? – спросила она.

– Только одно, – ответил Октавиан. – Гай Юлий Цезарь. Только так я смогу должным образом почтить человека, который это имя носил.

Тут Квинтина Фабия широко улыбнулась. Ей нравилась бравада этого молодого римлянина. Его друзья замерли от изумления, а ей хотелось аплодировать.

– Тебе понадобятся два свидетеля с хорошей репутацией, чтобы под присягой удостоверить твою личность, – ответила она после короткого колебания. – Приходи в полдень в Дом девственниц. – Весталка вновь выдержала паузу, наблюдая из-под ресниц за Марком Антонием. Консул стоял, словно оглушенный вол. – Добро пожаловать домой, Октавиан!

Он молча кивнул. Стоявший справа от него Антоний двинулся дальше. Октавиан повернулся, чтобы последовать за ним.

– Консул! – крикнул он.

Меценат схватил его за руку.

– Не делай ничего опрометчивого, Октавиан, – предостерег он. – Пусть уходит.

Гай Октавиан стряхнул удерживающую его руку и продолжил путь.

– Он был другом Цезаря. Он меня услышит, – ответил он своему осторожному другу.

– Агриппа! – позвал Цильний.

– Я здесь!

Здоровяк уже шел за Октавианом, проталкиваясь сквозь толпу. Выругавшись, легионер Гракх последовал за ними.

* * *

Наблюдая, как верховная жрица разговаривает с молодым человеком, Марк Антоний качал головой, чувствуя, как его пробивает пот. Такое уже не лезло ни в какие ворота. Сенат вызвал его на заседание в полдень, и сначала он хотел принять ванну, чтобы прийти к ним свежим и чистым. Антоний повернулся, и ликторы с центурионами проделали то же самое, когда он услышал, как в толпе кто-то крикнул: «Консул!» Проигнорировав крик, он продолжил путь. Но, не пройдя и двадцати шагов, Марк почувствовал, как напрыглись сопровождающие его люди. В нем начала закипать злость.

А четверка преследователей настигала его, проталкиваясь сквозь толпу.

– Консул! – вновь позвал Октавиан.

Марк Антоний вжал голову в плечи, ликторы сдвинулись ближе, а центурионы чуть отстали, чтобы оказаться между двумя группами. Вскинув руку, консул остановил их всех. Не мог он бежать с Форума, будто что-то скрывал.

– Чего ты хочешь? – рявкнул он, оборачиваясь.

Перед ним стоял молодой человек – сероглазый, с русыми

волосами, перевязанными на затылке. Он полагал, что Октавиану чуть больше двадцати, хотя выглядел тот моложе: у него было гладкое лицо без признаков бороды. Почему-то одного только вида этого юноши хватило, чтобы еще больше разозлить Марка Антония. Не хотелось ему иметь никаких дел с дальним родственником Цезаря, пристающим к нему с какими-то просьбами.

Грубый тон заставил Гая Октавиана остановиться, и улыбка сползла с его губ. Под взглядом консула наследник Цезаря выпрямился в полный рост, и лицо его закаменело.

– Октавиан... – предупреждая прошептал Агриппа. Ликторы, сопровождающие консула, не просто олицетворяли власть. По приказу Марка Антония они могли взяться за топоры и прутья и изгнать с Форума, а то и убить любого виновного в оскорблении консула.

– Я хотел поприветствовать давнего друга, – ответил Гай Октавиан. – Вероятно, я ошибся.

Эти слова, похоже, потрясли Марка Антония. Он на мгновение закрыл глаза, пытаясь сохранить достоинство.

– Я совершил ошибку, Октавиан, – сказал он. – Не поздравил тебя с усыновлением.

– Спасибо тебе, – кивнул Октавиан. – Рад видеть, что ты процветаешь в эти печальные времена. Поэтому я и подошел к тебе. Формально завешание должен утвердить сенат. Мне нужен *Lex Curiata*⁷. Ты предложишь принять его сегодня?

⁷ *Lex Curiata* – в данном контексте закон о вступлении в наследство (*лат.*).

Антоний сухо улыбнулся, качая головой:

– Ты, наверное, заметил, что город только начинает приходить в себя от погромов. У нас достаточно дел, чтобы загрузить сенат до конца месяца. Может, тогда я попрошу выделить время для твоей просьбы.

Октавиан застыл, чувствуя, что ликторы пристально наблюдают за ним.

– Это всего лишь формальность. Я подумал, что, помня о Цезаре, ты сможешь ускорить принятие этого закона.

– Хорошо. Я сделаю все, что в моих силах, – беспечно ответил Марк и повернулся, чтобы уйти.

Октавиан Фурин уже открыл рот, чтобы сказать что-то еще, но и Агриппа, и Меценат положили руки ему на плечи, предупреждая, что делать этого не надо.

– Больше ни слова, – прошептал Виспансий. – Боги, ты нас всех убьешь, если не научишься контролировать свой рот. Просьбу ты высказал, а теперь дай ему уйти.

Цильний Меценат пристально наблюдал за консулом, покидающим Форум. Потом он искоса глянул на Гракха, который неловко переминался с ноги на ногу, не очень-то понимая свою роль в этой маленькой группе.

– Я думаю, твое участие в этом деле подошло к концу, Гракх, – обратился к нему патриций. – Пожалуй, тебе самое время сесть на коня и вернуться к своему патрону, чтобы доложить о случившемся, так?

Охранник трибуна хмуро глянул на него:

– Это решать не тебе. Либурний велел мне обеспечивать безопасность твоего друга. Я могу отправить ему донесение с гонцом.

Меценат убрал руку с плеча Октавиана и шагнул к легионеру.

– Как мне это выразить, чтобы ты понял? Мне надо поговорить с моим другом до того, как он накликает свою смерть. И я не хочу видеть твои уши, когда буду говорить с ним. Ты знаешь, что мы придем в Дом девственниц в полдень... слышал, что сказала верховная жрица. Так почему бы тебе не пойти туда и не подождать нас там?

Гракх бесстрастно смотрел на него. Он прослужил достаточно долго, чтобы его задевали слова. Охранник молча повернулся и пошел прочь – его сандалии застучали по брусчатке Форума. Цильний чуть расслабился, поднял руки и отвел обоих друзей подальше от собравшихся. После оглашения завещания и ухода консула толпа быстро редела, так что найти место, где их не могли подслушать, труда не составило.

– Клянусь богами, Октавиан! Если бы консул просчитал ситуацию, он бы получил твое наследство в обмен на один-единственный приказ. Его ликторы порубили бы тебя в капусту, а заодно Агриппу и меня! – начал возмущаться Меценат, когда друзья оказались наедине.

– Я думал, он поможет, – стоял на своем Октавиан. – Столь многое изменилось... Мне трудно все учесть.

– Так сунь голову в фонтан или сделай еще что-нибудь

подобное, – резко бросил молодой патриций. – Нынче сообщать надо быстро.

Агриппа и Октавиан удивленно посмотрели на своего товарища. Тот медленно покачал головой:

– Ты хотя бы понимаешь важность этого завещания для тебя и для тех, кто сейчас во власти?

Наследник Юлия пожал плечами:

– Я знаю, деньги большие, но пока я их не получил...

– Я говорю не о золоте, Октавиан! Хотя сейчас ты самый богатый человек в богатейшем городе мира. Я говорю о клиентах! Теперь ты понимаешь?

– Честно говоря, нет, – признал Октавиан Фурин.

Агриппа тоже пребывал в недоумении, и Меценат глубоко вдохнул. Он вырос в мире, где все прекрасно знали, о чем идет речь, но теперь видел, что оба его друга далеко не в полной мере оценили дар Цезаря.

– О Юпитер, убереги меня от неучей! Патрицианские семьи укрепляют свое влияние клиентами, которые находятся у них на содержании. Это ты должен знать.

– Разумеется, – кивнул молодой человек. – Но...

– У Цезаря были тысячи клиентов. Он этим славился. И теперь они твои, Октавиан. Усыновив тебя, он передал тебе не только родовое имя. Теперь ты можешь призвать на службу половину Рима, половину римских легионов, если захочешь. Вполне возможно, что и трибун Либурний теперь твой верный слуга, вместе с Гракхом.

Гай Октавиан нахмурился:

— Я не могу унаследовать их, как драгоценный камень или дом.

— Усыновление говорит, что можешь, — стоял на своем Меценат. — Да, найдется несколько недовольных, которые уйдут, но бесчестных ублюдков хватало всегда. Отныне ты сын божественного Юлия, Октавиан. Ты это осознаешь? Клятвы верности, которые они приносили ему, теперь перешли к тебе.

— Но я даже не знаю, кто они! — воскликнул центурион. — Какая мне польза от разговоров об этих тысячах? У меня есть только одежда, которая на мне, и лошадь где-то на дороге в Брундизий. Пока сенат не примет Lex Curiata, я нищий.

Меценат ответил не сразу. Некоторое время он смотрел на закопченные развалины здания сената — худший из многих шрамов, которые они увидели в городе за два предыдущих дня.

— Списки твоих клиентов где-то найдутся, и они *не знают*, что у тебя ничего нет. С этого момента ты должен вести такую игру, ради спасения своей жизни... и уничтожения врагов. Взять его имя — блестящий ход. Ты хочешь увидеть этих Освободителей поверженными? Тогда веди себя как наследник бога и самый богатый человек в Риме. Держи себя так, будто, щелкнув пальцами, ты можешь обрушить на любого гнев Марса. — Молодой человек на мгновение задумался. — Ты допустил ошибку, попросив помощи у консула. Возмож-

но, у тебя уже достаточно верных сторонников в сенате, чтобы обеспечить нужный исход голосования и без него.

Гай Октавиан пристально смотрел на него:

– Я могу держаться как угодно, но это не принесет мне золота, в котором я нуждаюсь, и не приведет клиентов.

– Через пару часов у тебя встреча в Доме девственников, – ответил Меценат. – Октавиан, с этого дня римляне будут почитать твое благоволение за счастье. Тебе не придется их искать. Они сами придут к тебе.

Глава 7

Октавиан шел к Дому девственников бодрым и освежившимся. За несколько монет они с Агриппой и Меценатом сходили в баню и поели у уличного лотка. Да, теперь он носил тогу с чужого плеча, одолженную одним из друзей Мецената, но чувствовал себя гораздо увереннее. В парной, велев рабам-банщикам держаться подальше, трое друзей составили планы на будущее. И под солнцем, достигшим зенита, приемный сын Цезаря решительно вошел в храм, миновав и Гракха, и даже стражников, словно имел полное право их игнорировать. И действительно, они не посмели его остановить, так что через несколько шагов трое молодых людей сменили уличную жару на прохладу залов, предназначенных для поклонения богине. Возможно, мужчины постарше и не тарасились бы столь откровенно, но весталки славились не

только своей невинностью, но и красотой, а это сочетание только разжигало аппетит таких, как Цильний Меценат.

Квинтина Фабия появилась из каменной арки, чтобы приветствовать их. Она сменила утреннее официальное одеяние на столу из хлопковой ткани, которая не скрывала, а выстав-ляла напоказ ее фигуру.

Легким шагом жрица подошла к Октавиану, взяла его за руки и поцеловала в щеку.

– Я скорблю за тебя и с тобой, – начала она. – Я надеялась, что прах Цезаря удастся собрать для могилы, но погромы были ужасными. Какое-то время никто не решался выйти на улицу. Я очень сожалею.

Октавиан моргнул. Он не ожидал сочувствия, и оно гро-зило достать до той части его души, где не утихала боль.

– Спасибо, – поблагодарил он весталку. – Думаю, в городе ты первый человек, от которого я услышал такие слова.

– Ты должен простить тех, кто во власти, по крайней ме-ре за это. С наведением порядка дел у них по горло. Скажу честно, ты просто представить себе не можешь, как все было плохо.

– А эти Освободители? – спросил Гай Октавиан. – Где они прячутся?

– Некоторых, как Луция Пеллу, убила толпа. Остальные достаточно быстро поняли, куда дует ветер, и разбежались по своим поместьям и провинциям. Здесь ты их не найдешь, во всяком случае в этом году, но в сенате остались их сто-

ронники. Со временем, я в этом не сомневаюсь, они тайком вернутся в Рим, пряча свои лица. – Верховная жрица пожала плечами, крепко сжимая руки юноши. – Я рада. Они пытались смыть позор содеянного, но граждане им не позволили. Хоть какая-то польза от этого хаоса.

– Мы можем перейти к делу, Квинтина? – спросил Цильний Меценат.

Женщина оглядела его с головы до ног:

– Вижу, ты снова здесь, Меценат. Сколько прошло лет?

– Не так и много, думаю, – отозвался молодой человек. –

Ты прекрасно выглядишь.

– Не могу пожаловаться. Мне передать наилучшие пожелания твоей матери или ты сделаешь это сам?

– Вы знакомы? – спросил Октавиан.

– А как же, – безо всякого смущения ответил Цильний. – Квинтина Фабия – моя тетушка. Не самая любимая тетушка или что-то такое, знаешь ли. Просто тетя.

– И он далеко не самый любимый мой племянник, слишком уж ленивый, – не осталась в долгу Квинтина, но улыбка не сходила с ее лица. – А кто этот красивый и молчаливый мужчина? – кивнула она на Виспансия Агриппу.

– Агриппа? – переспросил Меценат. – Запах рыбы мог бы тебе подсказать, Квин. Он моряк, грубый и простой, но верный, как хороший пес.

Силач проигнорировал своего ехидного друга, потому что теперь Фабия сжимала его руки, и он почувствовал, как

краснеет под ее пристальным взглядом.

– Меценат думает, что у него остроумные шутки, Агриппа. Я устала извиняться за него, – вздохнула жрица.

– В этом нет нужды, – ответил моряк. – Он просто нервничает. Утро выдалось... очень напряженным.

– Хорошо, что у него такие друзья. Его мать часто приходила в отчаяние, узнавая, с кем он водил компанию. Вы будете свидетелями в документе об изменении имени?

Меценат кивнул, мрачно глянув на Агриппу.

– Ладно, – согласилась весталка. – Тогда за дело.

Друзья последовали за ней по лабиринту комнат и коридоров. Размерами Дом девственниц во много раз превосходил круглый храм, двери которого открывались на Форум. Молодые женщины пробежали мимо в простых платьях, многие с рулонами пергамента или с перевязанными свитками.

Квинтина заметила интерес гостей к своим подчиненным и улыбнулась:

– Вы предполагали, что они целыми днями молятся? Мои девушки – часть бьющегося сердца Рима. Можете мне поверить, они знают о законах города больше, чем ораторы в судах или сенате. А когда время служения богине заканчивается, они без труда находят хороших мужей и уже знают, как управлять домашним хозяйством.

– Я никогда в этом не сомневался. – Произнося эти слова, Меценат споткнулся, заглядевшись на длинноногую молодую женщину, которая проходила мимо. От Фабии не

ускользнул его взгляд.

– Разумеется, при условии, что они остаются дочерьми богини, – добавила она. – Если их чистота, скажем так, оказывается утеряна, их хоронят заживо... а виновного в этом мужчину сажают на кол перед толпой.

– Жестокое наказание, – задумчиво прокомментировал ее племянник.

– Но необходимое. Мужчины иной раз превращаются в волков, племянничек.

– Ужасно, просто ужасно.

Они добрались до двери из полированного дуба. Верховная жрица открыла ее и предложила войти. На большом столе лежали стопки восковых табличек и ровно нарезанные куски пергамента, рядом с чернильницами, тростинками для письма и прочими принадлежностями. Квинтина села за стол и оглядела стоявших перед ней молодых людей.

– Это простое дело. Я подготовила документ, чтобы ты подписал его в присутствии своих свидетелей, – сказала она Гаю Октавиану. – Я добавлю свое имя, и с этого самого момента ты станешь Гаем Юлием Цезарем. – Когда она произносила это имя, по ее телу пробежала легкая дрожь. – Не думала, что услышу его вновь так скоро. Это честное имя. Я надеюсь, ты не уронишь его достоинства.

– Не уроню, – ответил Октавиан. Он прочитал запись на листе пергамента, а потом все трое расписались тростинкой, которую дала им Квинтина.

Верховная жрица растопила комок воска в пламени масляной лампы. Колец она не носила, поэтому воспользовалась торцом железного стержня, чтобы поставить печать Весты. Октавиан проделал то же самое перстнем Юлия Цезаря, и она посмотрела на отпечаток с нежной грустью.

– Его любили, знаешь ли. Если ты окажешься хотя бы наполовину таким же, как он, тень Цезаря будет гордиться тобой.

Она взяла со стола миниатюрный колокольчик, позвонила и замерла в ожидании, когда дверь откроется. Вошла утонченно-красивая женщина и взяла документ из ее рук. Когда эта красавица проходила мимо Мецената, она удивленно вскрикнула и сердито посмотрела на него. Однако его лицо оставалось невинным.

– С этим покончено, – сказала Фабия. – Я надеюсь, ты понимаешь, что я не могла позволить аргентариям⁸ войти в этот дом. Даже ваше присутствие в этих комнатах достаточно необычно. Так что они ждут в саду с дальней стороны. Из него калитка выводит на Палантинский холм.

– Аргентарии? – переспросил Октавиан.

На лице Квинтины отразилось недоумение.

– Ростовщики. Они все утро приставали ко мне, просили о встрече. А чего ты ожидал?

– Но мне не нужна ссуда... – начал наследник Цезаря.

⁸ *Аргентарии* (Argentarii) – банкиры в Древнем Риме, осуществляющие прием денег на хранение, выдачу ссуд, безналичные расчеты между клиентами.

Меценат фыркнул:

– С этого утра ни у кого нет такого кредита, как у тебя. Поэтому, если ты не собираешься жить на мои деньги, она тебе нужна.

Квинтина покачала головой:

– Похоже, вы ничего не понимаете. Они пришли не для того, чтобы предлагать деньги. Цезарь оставил депозиты в трех крупнейших объединениях аргентариев. Я думаю, они пришли сюда, чтобы узнать, что ты хочешь делать с золотом.

* * *

Марк Антоний оглядел сидящих перед ним сенаторов. Им пришлось проводить заседания в театре Помпея до восстановления здания сената, и они обнаружили, что своими размерами театр странным образом принижает их власть. В сенате эти люди полностью заполняли зал, а здесь их окружала тысяча пустых кресел, и они сами себе казались маленькими. Будучи консулом, Антоний обращался к ним со сцены, и его это вполне устраивало. Голос консула гремел, как и планировали архитекторы, голос любого сенатора, если они поднимались, чтобы что-то сказать, – тонко дребезжал.

Одну часть зала сенаторы сознательно избегали. Камень там оттерли дочиста, и сказать, где именно убили Цезаря, не представлялось возможным, но сидеть в той стороне все равно никто не хотел.

До начала сессии Марк Антоний терпеливо ждал вместе с сенаторами, пока писцы монотонно зачитывали список назначений, прошений и законов, которые предлагалось рассмотреть в этот день. Он с кем-то о чем-то говорил, когда уловил знакомые имена и прервал разговор, чтобы послушать. Кассий устроил себе высокий пост в Сирии, Брут в Афинах. Децим Юний уже отправился на север, многие другие – в Иерусалим, Галлию и Испанию, с тем чтобы подождать, пока в Риме все успокоится, а уж потом возвращаться в Вечный город. Марк Антоний желал одного: чтобы уехали они все. Светоний пока оставался, практически облысевший, с несколькими волосинками, зачесанными на череп. Теперь он представлял Освободителей в единственном числе. Всегда появлялся в компании Бибула, главного среди его сторонников и дружков. Они сидели плотной группой с Гирцием и Пансой – сенаторами, которым предстояло сместить Антония в конце консульского года. Консул чувствовал их неприязнь, когда они смотрели на него, но взгляды эти нисколько его не волновали.

Первым вопросом повестки дня стало обсуждение завещания Цезаря, прежде всего той его части, которую предстояло выполнять сенату. Те несколько человек, кто еще не ознакомился с деталями, испытали настоящий шок, узнав, о каких суммах идет речь. Более ста миллионов сестерциев предлагалось отдать гражданам Рима, а такое мероприятие требовало немалых усилий. Во-первых, следовало составить

список всех граждан Рима, а во-вторых, подобрать сотни надежных людей, которые будут раздавать деньги. Марк Антоний ничем не проявлял внутреннего волнения, выслушивая занудные речи таких, как Бибул, требующих, чтобы сенат отложил выплаты. Разумеется, они не хотели, чтобы на каждой улице только и говорили что о щедрости Цезаря: будто не понимали, что эта птичка уже упорхнула.

– Сенаторы, – наконец взял слово Марк, позволив своему голосу загреть над их головами и заставить замолчать Светония, тоже начавшего что-то говорить. – Граждане Рима прекрасно знают о том, что им дали. В этом нам не остается ничего другого, как исполнять волю Цезаря. Мы едва оправились от погромов. Вы хотите их возобновления? Деньги Цезаря есть во всех главных храмах, и шесть десятых монетного запаса сената помечены его именем. Так не дадим повода назвать нас ворами, особенно теперь, когда наша популярность так низка! Его желание должно быть выполнено, и быстро.

Светоний поднялся вновь, и его постоянно красное лицо перекосило от злости.

– Эти деньги лучше потратить на восстановление города, – заявил он. – Почему мы должны раздавать им серебро, если за последний месяц они нанесли городу в десять раз больший ущерб? Я предлагаю отложить выплаты до полного восстановления Рима и начать его со здания сената. Неужели им сойдет с рук урон, нанесенный нашему городу? Пусть

увидят, что их деньги идут на что-то стоящее. Пусть знают, что мы не боимся гладить их против шерсти и не собираемся вечно жить в страхе перед толпой.

Сотни голосов согласно загудели, и Марк Антоний почувствовал, как его горло сжалось от раздражения. Он задался вопросом: а не стоял ли за этой речью Кассий? Распределение денег Цезаря позволило бы достаточно быстро поднять престиж сената, и тем не менее очень уж многие сенаторы сразу поддерживали Светония – их тонкие голоса уже наполнили огромный зал.

К неудовольствию консула, предложение об отсрочке платежей приняли огромным большинством, и сенаторы вновь расселись по скамьям, довольные тем, что показали всем свою власть. Антоний временно ушел со сцены, пока один из сотрудников сената зачитывал письма от командиров легионов, расквартированных в Галлии. Консул кипел от негодования, прекрасно понимая, что эта его неудача как ничто другое указывает на отношение сенаторов. От людей, которые правили Римом, не укрылось его странное поведение во время погромов. И теперь ему ясно давали это понять: он видел открытую враждебность на лицах тех, кто поддерживал Освободителей, да и не только их. Марк Антоний потер подбородок, скрывая раздражение. С одной стороны, сенат играл мускулами. С другой – появился юный дурак, назвавший себя Цезарем, наследник половины золота Рима. Конечно же, это раздражало.

И пока заседание сената продолжалось, Марк принял решение. Дискуссия между тем сместилась на легионы в Брундизии: предлагалось поставить на голосование вопрос об их осуждении. Сотни глаз скрестились на консуле. Теперь ему следовало высказаться по этому вопросу. Антоний вернулся на сцену, уже зная, что ему от них нужно.

– Сенаторы, мы слышали голоса, требующие наказать легионы, расквартированные в Брундизии, – начал он. Если он правильно просчитал настрой сенаторов, выходило, что они примут в штыки любое его предложение и заменят своим, прямо противоположным. – При нормальных условиях я бы с вами согласился, но сейчас условия далеки от нормальных. Командиры легионов – люди Цезаря. Практически без исключений. Его имя – по-прежнему талисман для граждан. Вы сказали, что нам не следует их бояться, и я это принимаю, но нужно ли нам продолжать топтать их гордость, пока они не озлобятся еще сильнее и не взбунтуются? Сможет сенат выдержать еще один удар по собственному достоинству? Я думаю, нет. Как и многие другие, легионы в Брундизии не знали, что делать, пока в Риме царило безвластие. Однако это в прошлом. Теперь порядок восстановлен, и, если мы будем мстить по мелочам, уважения нам это не прибавит. Некоторые из вас уже говорили о казни каждого десятого, но вы подумали, как отреагирует на это Рим? Один человек из десяти, забитый до смерти своими товарищами, и за что? Только за то, что они не сдвинулись с места, когда в Риме

царил хаос? Едва ли это достаточно веская причина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.